

отрицають всякія законоположенія, регулируюція половыя отношенія, и проповѣдуютъ полную распущенность и развратъ, а къ 3-й группѣ — заблужденія тѣхъ, которые, не отвергая нужды въ регулирующемъ началѣ для брачныхъ отношеній, не признають такимъ началомъ „требованій христіанства, а усвояють значеніе регулирующаго начала влеченіямъ и расположеніямъ человѣческой природы“.

„Къ числу лжеучителей, совѣмъ отвергающихъ бракъ, какъ нѣчто нечистое, авторъ относитъ—въ древности—многихъ гностиковъ и манихеевъ, смотрѣвшихъ на все матеріальное какъ на зло и на источникъ зла въ мірѣ, въ новѣйшее время шекеровъ и тункеровъ и графа Л. Толстаго, называющаго бракъ состояніемъ унизительнымъ и постыднымъ для человѣка. Такъ какъ многіе изъ этихъ лжеучителей ссылаются на то, будто само христіанское ученіе не благосклонно относится къ браку, то авторъ доказываетъ неосновательность такого мнѣнія, разъясняя, что истинному христіанству совѣмъ чуждъ взглядъ, будто матерія и все, имѣющее чувственный характеръ, есть нѣчто само по себѣ нечистое; напротивъ христіанство учитъ, что всякое твореніе Божіе хорошо, что для чистаго все чисто и нѣтъ ничего въ себѣ самомъ нечистаго: оно считаетъ нечестымъ только грѣхъ. Поэтому-то христіанство не можетъ осуждать бракъ только потому, что онъ заключаетъ въ себѣ извѣстную чувственную сторону. И дѣйствительно, Св. Писаніе ясно свидѣтельствуетъ, что бракъ признанъ, утвержденъ и освященъ самимъ Спасителемъ, что Апостолы имѣли высокое понятіе о бракѣ и осуждали тѣхъ, которые запрещали вступать въ него. Затѣмъ авторъ дѣлаетъ нѣсколько дѣльных замѣчаній, направленныхъ специально противъ ученія графа Толстаго о бракѣ.—Далѣе авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію вопроса: „можно-ли смотрѣть на бракъ, какъ на такую форму жизни, которая хотя и имѣетъ самое законное право на существованіе въ христіанскомъ мірѣ, но все же, вслѣдствіе именно того, что она заключаетъ въ себѣ извѣстную натуральную сторону, неизбежно является, для человѣка препятствіемъ къ достиженію требуемаго христіанствомъ высшаго нравственнаго совершенства и всегда необходимо ставить человѣка только на низшую ступень нравственнаго состоянія“? (стр. 135). Утвердительный отвѣтъ на предложенный вопросъ авторъ признаетъ неправильнымъ на томъ основаніи, что христіанство не просто только признало и утвердило бракъ но призвало за нимъ высокое достоинство и значеніе,

называетъ его честнымъ и брачное ложе непорочнымъ, — союзомъ, могущимъ представлять въ себѣ отображеніе духовно-благодатнаго союза Христа съ церковію, — что онъ не былъ запрещенъ служителямъ церкви и значитъ признавался состояніемъ высоко-нравственнымъ, соотвѣтствующимъ даже той высокой чистотѣ жизни, какая требуется отъ предстоятелей церкви, — что Господь съ своими заповѣдями о любви къ Богу и несеніи креста обращается ко всѣмъ людямъ, не исключая и находящихся въ брачномъ состояніи, а послѣднее было бы не возможно, если бы супружеская жизнь служила препятствіемъ къ достиженію высшаго нравственнаго совершенства. Далѣе для подтвержденія своей мысли авторъ указываетъ на то, что удовлетвореніе потребности тѣлесной природы нельзя считать препятствіемъ къ достиженію высшаго нравственнаго совершенства: все въ мірѣ, — разсуждаетъ авторъ, — взятое само по себѣ, — добро; причина зла заключается не въ матеріальнѣй природѣ человѣка и ея жизни, но въ свободной волѣ человѣка. Поэтому ни одна форма человѣческой жизни не можетъ быть названа несовершенной только по тому одному, что въ ней тѣ или другія потребности физической природы находятъ законное удовлетвореніе; при томъ-же строго говоря нѣтъ ни одного проявленія нравственной жизни человѣка, свободного отъ естественнаго придатка. Самый аскетизмъ не чуждается наслажденія естественными благами; аскетъ напр. при отдыхѣ и употребленіи пищи чувствуетъ наслажденіе. Если же законное употребленіе естественныхъ благъ само по себѣ, принципиально, не противорѣчитъ идеальному направленію, высшимъ цѣлямъ христіанской жизни; то на какомъ основаніи, заключаетъ авторъ, думаютъ, что естественное отношеніе половъ, составляющее специфическую принадлежность *брачной* жизни, должно необходимо налагать на человѣческую жизнь печать нравственнаго несовершенства, если только этимъ отношеніемъ человѣкъ не злоупотребляетъ? (138 стр.). Наконецъ, раскрывъ ученіе о высокомъ достоинствѣ брачной жизни, авторъ обращаетъ вниманіе на то, что при всемъ томъ христіанство не считаетъ ее необходимою и обязательною для всѣхъ безъ исключенія, напротивъ нѣкоторымъ людямъ совѣтуетъ соблюдать чистое дѣвство, которому какъ Спаситель, такъ и Апостолы оказывали рѣшительное предпочтеніе предъ брачнымъ состояніемъ (стр. 140); но съ другой стороны, замѣчаетъ авторъ, и дѣвство, обладающее преимуществами предъ супружествомъ, не признается, обязательнымъ для всѣхъ христіанъ, и въ этомъ

указывается точка зрѣнія, съ которой надобно смотрѣть на требованіе обязательнаго безбрачія духовенства въ рим.-католической церкви.

„Ко второй группѣ противниковъ брака (144—152 стр.) авторъ относитъ тѣхъ, которые считая себя совершенными въ нравственномъ отношеніи, избранными, святыми, требуютъ себѣ неограниченной никакими нравственными предписаніями не стѣсняемой свободы въ томъ убѣжденіи, что для нихъ уже невозможно злоупотребленіе свободой. Такую-же свободу они допускаютъ и въ половыхъ отношеніяхъ и убѣждены, что они какъ святые не могутъ грѣшить; это приводитъ ихъ къ отрицанію брака и къ самому грубому разрату. Такое ученіе въ новое время проповѣдуютъ сѣверо-американскіе сектанты, такъ называемые библейскіе коммунисты; въ древности такихъ же воззрѣній держались въ некоторые еретики, какъ напр. послѣдователи Симона волхва, Николаиты и гностики—Василидиане и Карпократіане.—Полемика автора противъ этихъ лжеучителей состоитъ въ разъясненіи неправильности основной мысли ихъ заблужденіи, а именно мысли, будто призванные въ благодатное царство Христова становятся уже неспособными грѣшить и будто для нихъ ненужны уже никакія внѣшнія предписанія и заповѣди.

„Къ третьей группѣ (152—174 стр.) лжеучителей касательно брака авторъ относитъ *мормоновъ*, отвергающихъ моногамію и проповѣдующихъ полигамію. Сдѣлавъ общую характеристику ученія мормоновъ, авторъ перечисляетъ доказательства, приводимыя мормонами въ пользу полигаміи и превосходства ея предъ моногаміею и потомъ дѣлаетъ критическій разборъ каждаго изъ этихъ доказательствъ.

„Во второмъ отдѣлѣ IV главы своего сочиненія (174—216) авторъ разсматриваетъ тѣ ложныя воззрѣнія на бракъ, которые образовались подъ вліяніемъ философіи. Здѣсь излагаются и опровергаются воззрѣнія на бракъ а) *Шопенгауэра* и *Гартмана*, б) *Фейербаха* и *Штрауса* и в) голландца *Нирсона*.

„Въ третьемъ отдѣлѣ IV главы своего сочиненія (216—256 стр.) авторъ разсматриваетъ тѣ возраженія противъ христіанскаго понятія о бракѣ, которыя, по выраженію автора, является продуктомъ господствующаго духа времени и направленія дѣйствительной, практической жизни. Въ предварительныхъ замѣчаніяхъ относительно возраженій этого рода авторъ приводитъ ихъ въ связь съ практическимъ эвдемонизмомъ, либерализмомъ и нигилизмомъ. Протестующихъ противъ христіанскаго брака съ этой точки зрѣ-

нія авторъ раздѣляетъ на два класса; къ одному изъ нихъ относить людей съ радикальнымъ направленіемъ, желающихъ уничтожить институтъ брака и на мѣсто его поставить не регулируемое никакими законами отношеніе половъ; къ другому классу авторъ относитъ людей съ умѣреннымъ направленіемъ, которые требуютъ только смягченія строгости законовъ относительно брачной жизни.

„Для уясненія несостоятельности возраженій противъ брака со стороны людей *радикальнаго* направленія, авторъ опровергаетъ три основныхъ положенія защитниковъ такъ называемой свободной любви: 1) что свобода влеченій сердца требуетъ и полной свободы въ супружескихъ отношеніяхъ, 2) что любовь одного пола къ другому не можетъ стать предметомъ заповѣди и обязанности и 3) что всякое обязательство, налагаемое на супружескія отношенія, нужно считать прямымъ насиліемъ челоѣческой природы.

„Сущность возраженій противъ христіанскаго брака со стороны людей *умѣреннаго* направленія состоитъ въ томъ, будто законы относительно брака слишкомъ идеальны и неосуществимы въ дѣйствительной жизни и потому они не только не содѣйствуютъ усовершенствованію семейной жизни, но скорѣе препятствуютъ этому усовершенствованію, отталкивая многихъ отъ брачной жизни и тѣмъ увеличивая безнравственность въ обществѣ. Потому люди этого направленія требуютъ реформы въ узаконеніяхъ относительно брачной жизни. Эта реформа должна состоять въ уничтоженіи вліянія на эти узаконенія церковно-моральныхъ идей и въ приспособленіи брачнаго законодательства къ условіямъ дѣйствительной жизни.

„Въ отвѣтъ на эти требованія авторъ говоритъ, что церковные законы относительно брака суть не что иное, какъ слѣдствія, прямо вытекающія изъ христіанскаго понятія о бракѣ. Соглашаться съ христіанскимъ понятіемъ о бракѣ и въ тоже время возставать противъ строгости церковныхъ законовъ о бракѣ и находить ихъ вредными для общества крайне непоследовательно: требовать измѣненія въ церковномъ брачномъ законодательствѣ и приспособленія его къ условіямъ дѣйствительной жизни значить дѣлать посягательство на высокое христіанское понятіе о бракѣ и стремиться къ униженію достоинства брака, даже къ узаконенію такого отношенія, которое противорѣчитъ законамъ челоѣческой природы и не имѣетъ права называться *челоѣческимъ* бракомъ — стремиться къ ниспроверженію брака.

„Послѣ этихъ общихъ замѣчаній авторъ обращается къ разбору

частныхъ возраженій противъ тѣхъ или другихъ церковныхъ узаконеній относительнаго брака. Прежде всего онъ разсматриваетъ возраженіе людей, недовольныхъ тѣмъ, что законодательство православной церкви, дозволяя разводъ — въ случаѣ прелюбодѣянія одного изъ супруговъ, неспособности къ брачному сожитію, продолжительной безвѣстной отлучки и вѣчной ссылки, не хочетъ признать никакихъ другихъ обстоятельствъ достаточными основаніями для развода. Такая стѣснительная строгость законодательства относительно развода, говорятъ, очень вредна для нравственной жизни общества и подаетъ поводъ ко многимъ преступленіямъ. Поэтому во имя нравственности общества требуютъ, чтобъ дана была большая свобода расторженія браковъ, чѣмъ какая допускается нынѣ дѣйствующими законами. — Въ отвѣтъ на это авторъ доказываетъ, что оставаясь вѣрнымъ христіанскому понятію о бракѣ, церковное законодательство не можетъ допустить большей свободы развода, чѣмъ какую онъ допускаетъ; большая свобода развода повела-бы къ уничтоженію различія между бракомъ и незаконнымъ отношеніемъ половъ. — Въ опроверженіе мнѣнія, будто законъ нашей церкви относительно развода не сообразенъ съ условіями дѣйствительной жизни и скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ для жизни общества, что облегченіе развода будто содѣйствовало бы возвышенію семейнаго начала, урегулированію семейныхъ отношеній и сокращенію различнымъ преступленій, — авторъ говоритъ, что облегченіе развода служило бы только къ униженію личности супруговъ въ особенности женщины, что, устраняя нѣкоторыя неурядицы семейной жизни и уменьшая одни преступления, оно было бы причиною другихъ болѣе важныхъ преступленій, служило бы къ униженію нравственнаго достоинства брака, къ ухудшенію супружескихъ отношеній, къ упадку воспитанія дѣтей и пр. Если-же законъ о разводѣ часто нарушается, обходится и не предотвращаетъ разнаго рода преступленій въ супружеской жизни, то отнюдь никакъ нельзя заключить о неудовлетворительности или вредѣ дѣйствующаго закона. Исходя изъ такого основанія, можно притти къ отрицанію всякихъ законовъ, потому что нѣтъ такихъ законовъ, которые не нарушались и не обходились бы людьми.

„Наконецъ опровергается мнѣніе тѣхъ, которые считаютъ несправедливымъ и вреднымъ правило нашей церкви, запрещающее виновному въ прелюбодѣяннѣ вступать въ новый бракъ.

„Въ первой главѣ *второй части* своего сочиненія (257—290

стр.) авторъ прежде всего занимается разрѣшеніемъ вопроса, что нужно считать моментомъ, съ котораго начинается брачный союзъ. Такъ какъ существеннымъ и необходимымъ условіемъ брака служить *свободное взаимное согласіе* вступающихъ въ него, то спрашивается: это согласіе супруговъ не можетъ-ли быть признано и самымъ актомъ установленія супружества? Дѣйствительно, многіе, считая бракъ не болѣе, какъ договоромъ между вступающими въ него, смотрѣли на взаимное согласіе жениха и невѣсты, какъ на актъ, опредѣляющій начала существованія брачнаго союза. Но авторъ доказываетъ, что на брачный союзъ не возможно смотрѣть какъ на договоръ: брачный союзъ и по своему содержанію и по своей цѣли и по закону, на которомъ онъ утверждается, существенно отличается отъ договора и несравненно выше его. Законъ, которому подчинена брачная жизнь, установленъ не самимъ человекомъ, но положенъ богомъ въ его природѣ и потому люди, *свободно* вступая въ брачную жизнь, должны исполнять требованія этого закона и не могутъ уже самовольно вытти изъ повиновенія ему. Отсюда авторъ выводитъ заключеніе, что актъ установленія брака долженъ быть дѣломъ не частныхъ лицъ, вступающихъ въ бракъ, но дѣломъ власти, которая стоитъ выше индивидуальной воли,—тѣмъ болѣе, что отъ брака зависятъ существенные интересы не частныхъ только лицъ, но и цѣлаго человѣческаго общества. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что должна существовать особая *публичная форма заключенія браковъ*, которая должна имѣть значеніе одного изъ существенныхъ условій дѣйствительности всякаго брака. Безъ этого въ дѣлахъ брачныхъ легко могутъ распространиться всякаго рода злоупотребленія, примѣромъ чего можетъ служить Шотландія.

„Разъяснивъ необходимость публичной формы заключенія брака, авторъ приходитъ къ разсмотрѣнію вопроса, чьимъ дѣломъ должно быть заключеніе браковъ — дѣломъ-ли государства или дѣломъ церкви. Призывая, что и государство и церковь имѣютъ право и обязанность охранять достоинство брачнаго института и устранять разнаго рода злоупотребленія и произволъ въ дѣлахъ брачныхъ, авторъ однакожъ приходитъ къ выводу, что право заключать бракъ должно принадлежать не государству, а церкви—и это потому, 1) что по существу своему брачный союзъ выше простаго гражданскаго союза; это союзъ нравственный. Государство, какъ общество, имѣющее въ виду временныя задачи и интересы, должно касаться брака главнымъ образомъ съ вѣншей стороны; надзоръ

государства относительно брака долженъ простирается преимущественно на то, что въ немъ есть условнаго и относительнаго и можетъ подлежать обыкновенному договору (напр. имущественныя права супруговъ и т. п.), тогда какъ церковь, какъ общество, имѣющее вѣковѣчные интересы, должна обращать вниманіе на всё то, что имѣетъ въ бракѣ значеніе вѣчныхъ и неизмѣнныхъ жизненныхъ нормъ, что относится къ области нравственности и ставить его въ ближайшее отношеніе къ религіозной жизни человека. Значить надзору Церкви должно принадлежать въ бракѣ то, что составляетъ внутреннее глубочайшее существо его: „неестественнымъ положеніемъ было бы то, если бы церковь, которая специально имѣетъ право простираетъ свою власть на область чистой нравственности, — на то, что въ бракѣ есть самаго существеннаго, были бы лишены права бракозаключенія“ (стр. 266). Церкви, какъ хранительницѣ законовъ нравственности, должна принадлежать власть какъ опредѣлять предварительныя условія для вступленія въ бракъ, такъ и рѣшать, согласенъ ли нѣтъ тотъ или другой предполагаемый бракъ съ законами нравственности и на основаніи этого допустить или не допустить совершеніе его. — Далѣе, право заключать бракъ должно принадлежать не государству, а церкви 2) потому, что только церковь можетъ сообщить акту установленія брака дѣйствительное значеніе и силу. Брачное отношеніе содержитъ въ себѣ такія стороны, которыя не могутъ быть обняты юридическимъ отдѣленіемъ, которыя коренятся въ глубинѣ совѣсти и нравственнаго чувства. Поэтому актъ установленія брачнаго отношенія долженъ обладать свойствами, способными сообщить ему вліяніе на совѣсть и нравственное чувство человека; а такимъ и можетъ быть только актъ церковно-богослужебный, которымъ церковь прямо и непосредственно подчиняетъ совѣсть брачующихся высшему началу; поэтому онъ представляетъ лучшее ручательство за прочное сохраненіе истиннаго существа брака. — Наконецъ „церковное вѣщаніе или благословеніе брака необходимо и потому, что христіанство заповѣдуетъ супругамъ такую высокую и святую любовь между собою, которая дѣлала-бы отношенія ихъ живымъ отображеніемъ тѣснѣйшаго союза Христа съ церковію — ставить ихъ такой высокій нравственный идеалъ, который недостижимъ для человека при его естественныхъ средствахъ; для осуществленія этого идеала человеку необходимо содѣйствіе высшей божественной силы, которая давала бы ему возможность достигать всѣхъ цѣлей брака. Эта

сила и подается человѣку въ церковномъ священнодѣйствіи, которое признается Православною Церковію *таинствомъ*.

„Затѣмъ (271 стр. и д.) авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію вопроса о *гражданскомъ бракѣ*. Описавши сущность и формальность гражданского заключенія брака, авторъ излагаетъ ученіе защитниковъ гражданского брака, которое состоитъ въ слѣдующемъ: бракъ по природѣ своей, говорятъ, есть дѣло мірское и потому заключеніе его можетъ принадлежать только государству. Если государство и предоставляло церкви право бракозаключенія, то это только вслѣдствіе особенныхъ временныхъ условий и обстоятельствъ; при другихъ же условіяхъ, при иномъ культурномъ состояніи народа государство имѣетъ полное право — установить гражданскую форму заключенія брака. Въ установленіи гражданского брака видятъ не какое либо нововведеніе, искусственно созданное, но возвращеніе къ самому естественному порядку вещей. Весь ходъ развитія брачнаго института, говорятъ, представляетъ собою стремленіе къ гражданскому браку, а церковная форма бракозаключенія есть какъ бы случайное уклоненіе отъ прямого историческаго пути.—Для опроверженія этого мнѣнія авторъ историческимъ путемъ доказываетъ, что какъ въ дохристіанскомъ, такъ и въ христіанскомъ мірѣ заключеніе брака имѣло религіозный характеръ. Это подтверждается фактами изъ исторіи Евреевъ, Индусовъ, Персовъ и пр. и изъ исторіи христіанской церкви.

„Наконецъ авторъ подробно и обстоятельно опровергаетъ мнѣнія тѣхъ, которые утверждаютъ, будто христіанская церковь въ первыя времена смотрѣла на бракъ, какъ на чисто гражданское учрежденіе и потому церковному освященію брака не придавала существеннаго значенія, не смотря на него, какъ на актъ установленія брака, не считая его обязательнымъ для брачующихся.

„Во *второй* главѣ (290—302 стр.) этой части сочиненія сначала дѣлается краткій очеркъ возникновенія и распространенія гражданского брака въ государствахъ запада; изъ этого историческаго очерка авторъ дѣлаетъ выводъ, что хотя почти во всѣхъ государствахъ Западной Европы гражданскій бракъ объявленъ учрежденіемъ обязательнымъ, но это не можетъ служить доказательствомъ, что узаконеніе это истинно и справедливо и гражданской формѣ брака принадлежитъ преимущество предъ церковною формой. Гражданскій бракъ возникъ и распространился въ силу чисто вѣнскихъ причинъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе ненормальнаго отношенія между церковію и государствомъ на За-

падѣ; законъ объ обязательномъ гражданскомъ бракѣ есть дѣло правительственныхъ партій, проникнутыхъ доктринами либерализма и радикализма, не вытекаетъ изъ глубокихъ потребностей народной жизни и не служитъ выраженіемъ воли народа. Поэтому онъ вызывалъ и вызываетъ рѣшительные протесты со стороны населенія, до сихъ поръ въ Германіи не популяренъ; а все это показываетъ, что на гражданскій бракъ нельзя смотрѣть какъ на здоровый плодъ правильного историческаго развитія народной жизни.

„Но не смотря на это защитники гражданского брака стараются доказать, что онъ цѣлесообразнѣе и благотворнѣе для народной жизни, чѣмъ церковный бракъ. Критическому разсмотрѣнію и опроверженію этихъ доказательствъ авторъ посвящаетъ *последнюю* главу второй части своего сочиненія (стр. 303 и д.). Показавъ несостоятельность этихъ доказательствъ, авторъ въ заключеніе всего указываетъ и вредныя послѣдствія гражданского брака для общества: гражданскій бракъ приводитъ къ отрицанію религіознаго характера брака, нравственнаго существа его, къ ослабленію прочности брачныхъ отношеній, къ легкомысленному и необдуманному вступленію въ бракъ и наконецъ къ умноженію разводовъ.

„Изъ сдѣланнаго нами изложенія содержанія сочиненія г. Страхова уже видно, какихъ важныхъ и интересныхъ вопросовъ касается онъ въ своемъ изслѣдованіи. И нельзя сказать, чтобы важности и значенію разсматриваемаго имъ предмета не соответствовало достоинство его изслѣдованія. Здѣсь христіанское ученіе о бракѣ не только раскрыто съ положительной стороны, но и защищено отъ многихъ возраженій и нападеній, направляемыхъ противъ него съ различныхъ сторонъ. Какъ раскрытіе положительнаго христіанскаго ученія о бракѣ, такъ и защита его отъ многоразличныхъ возраженій вообще отличаются ясностью, основательностью и полнотою. Указанныя достоинства можно приписать въ особенности а) *второй главѣ* первой части сочиненія, гдѣ излагается ученіе о божественномъ происхожденіи брака и подвергнута довольно обстоятельному критическому разбору натуралистическая теорія происхожденія брака и семьи; б) *третьей главѣ* той-же части, гдѣ кратко, но ясно изложивъ новозавѣтное ученіе о брачномъ союзѣ, его высокомъ нравственномъ достоинствѣ, объ отношеніи мужа и жены, о цѣли брака, авторъ подробно раскрываетъ ученіе и законоположенія православной церкви о бракѣ, въ которыхъ выражается христіанская идея брака и которыми охра-

няется его нравственное достоинство и чистота; при этомъ авторъ не теряетъ изъ виду и апологетической задачи своего изслѣдованія: зная, что въ наше время многимъ либеральнымъ людямъ нѣкоторые церковныя законоположенія относительно брака кажутся слишкомъ строгими, даже совершенно излишними, — авторъ съ ясностью и убѣдительностью раскрываетъ, что церковные законы о бракѣ суть прямой выводъ изъ истинно-христіанскаго понятія о бракѣ и что измѣнять и отмѣнять ихъ невозможно, не становясь въ противорѣчіе съ христіанскимъ ученіемъ о бракѣ и в) *четвертой* главѣ той же части, гдѣ подробно разсматриваются и подвергаются критическому разбору разнообразныя воззрѣнія на бракъ, не согласныя съ истиннымъ христіанскимъ ученіемъ объ этомъ предметѣ. Съ особенною тщательностью авторъ занимается здѣсь опроверженіемъ лжеученія тѣхъ, которые отвергаютъ бракъ, какъ нѣчто скверное, нечистое, постыдное и унизительное для человѣка (нѣкоторые гностики и Л. Толстой), и убѣдительно доказываетъ достоинство и высокое значеніе брачнаго состоянія.

„Что касается второй части сочиненія, гдѣ разсматривается вопросъ о формѣ заключенія брака; то всѣ три главы ея, говоря вообще заслуживаютъ одобренія. Здѣсь авторъ довольно убѣдительно доказываетъ, что право заключенія брака должно принадлежать не государству, но церкви, и довольно удачно опровергаетъ доводы приверженцевъ гражданскаго брака, усиливающихся доказать напротивъ, что не церкви, а государству должно принадлежать право заключенія браковъ и что гражданскій бракъ цѣлесообразнѣе и благотворнѣе для народной жизни, чѣмъ церковный.

„Но не можемъ оставить безъ замѣчанія и нѣкоторыхъ слабыхъ сторонъ и недостатковъ разсматриваемаго сочиненія.

„Намъ кажется, что авторъ сдѣлалъ ошибку, исключивши изъ первой части своего сочиненія разсмотрѣніе вопроса о *формѣ заключенія брака* и сдѣлавши рѣшеніе его содержаніемъ второй части. Естественное теченіе мыслей требовало, чтобъ въ первой части было раскрыто по крайней мѣрѣ положительное ученіе о формѣ заключенія брака и была показана внутренняя связь этого ученія съ идеей брака, какъ это и дѣлалъ авторъ относительно другихъ постановленій христіанскаго законодательства о бракѣ. Тогда первая часть сочиненія автора представляла бы болѣе полное раскрытіе положительнаго ученія Православной Церкви о бракѣ. Содержаніемъ же второй части сочиненія, по нашему мнѣнію,

автору слѣдовало бы сдѣлать полемику противъ неправильныхъ воззрѣній на бракъ. Тогда во вторую часть сочиненія должно было бы войти 1) все, что говорить авторъ въ 4-й главѣ первой части сочиненія о противникахъ христіанскаго воззрѣнія на бракъ, 2) все, что говорить авторъ во второй части сочиненія противъ защитниковъ гражданскаго брака. Въ предполагаемой второй части сочиненія слѣдовало бы дать мѣсто и критикѣ новѣйшей теоріи происхожденія брака и семьи (стр. 20 и д.). Тогда вся вторая часть сочиненія имѣла бы полемическій характеръ, а первая содержала бы положительное раскрытіе православнаго ученія о бракѣ. А теперь страннымъ представляется, почему авторъ разсмотрѣнію вопроса о формѣ заключенія брака посвятилъ особую часть своего сочиненія и почему онъ не внесъ содержаніе второй части въ главу о противникахъ христіанскаго воззрѣнія на бракъ? развѣ защитники гражданскаго брака не противники христіанскаго ученія о сущности брака? И далѣе—защитники новѣйшихъ натуралистическихъ воззрѣній на первобытныя формы брака развѣ не принадлежатъ также къ противникамъ христіанскаго воззрѣнія на бракъ? То, что говорить авторъ въ предисловіи въ защиту теперешняго плана сочиненія, не убѣдительно.

„Полемизуя съ людьми, унижающими нравственное достоинство и значеніе брачнаго состоянія, авторъ нѣсколько увлекся и высказалъ мысли, едва-ли согласныя съ ученіемъ Православной церкви. Рѣшая вопросъ: „нельзя-ли думать, что хотя бракъ и не противорѣчитъ прямо христіанскому идеалу, но все же онъ есть такая форма жизни, которая не вполне соответствуетъ высокимъ требованіямъ нравственнаго совершенства и потому всегда и во всякомъ случаѣ ставить человѣка только на низшую ступень нравственнаго состоянія?“ (стр. 132 и 135), — авторъ указываетъ на то, что удовлетвореніе потребностямъ тѣлесной природы нельзя считать препятствіемъ къ достиженію высшаго нравственнаго совершенства: все, сотворенное Богомъ, — разсуждаетъ авторъ, взятое само по себѣ—добро; причина зла заключается не въ матеріальной природѣ человѣка и ея жизни, но въ свободной волѣ человѣка. Поэтому ни одна форма человѣческой жизни не можетъ быть названа несовершенной только по тому одному, что въ ней тѣ или другія потребности физической природы находятъ законное удовлетвореніе: при томъ-же, строго говоря, нѣтъ ни одного проявленія нравственной жизни человѣка, свободнаго отъ естественнаго придатка. Самый аскетизмъ не чуждается употребленія есте-

ственныхъ благъ... Если же законное употребленіе естественныхъ благъ само по себѣ, принципиально не противорѣчитъ идеальному направленію, высшимъ цѣлямъ жизни, то на какомъ основаніи, заключаетъ авторъ, думаютъ, что естественное отношеніе половъ, составляющее специфическую принадлежность брачной жизни, должно необходимо налагать на человѣческую жизнь печать нравственнаго несовершенства, если только этимъ отношеніемъ чловѣкъ не злоупотребляетъ“ (138 стр.).

„Но соображенія автора, что міръ, земное, тѣло чловѣка съ его потребностями не есть что либо само по себѣ злое, враждебное и противодѣйствующее высшему назначенію чловѣка“—слишкомъ оптимистичны; авторъ какъ будто забываетъ о грѣховномъ состояніи чловѣка и опускаетъ изъ виду, что грѣхъ разстроилъ всю природу чловѣка, и вслѣдствіе этого всѣ естественныя отношенія его бываютъ не свободны отъ грѣховнаго элемента.

„Спрашивая: „на какомъ основаніи мы можемъ думать, что то естественное отношеніе (половъ), которое составляетъ принадлежность брачной жизни, должно необходимо налагать на чловѣческую жизнь печать нравственнаго несовершенства“...—авторъ забываетъ объ изрѣченіи Псалмопѣвца: „въ беззаконіихъ зачатъ есмь,—забываетъ о томъ, что „самъ Богъ, давая законъ, предписывалъ очищеніе народу (Исх. 19, 15), рождаемыхъ очищалъ закономъ и храмъ почтилъ тѣмъ, что совершавшіе въ немъ чреду іереи соблюдали тѣлесную чистоту“ (Твор. Грнг. Бог. ч. 5, стр. 57, 1889 г.), забываетъ, что божественный законъ актъ рожденія объявляетъ нечистотой (Лев. гл. 12), забываетъ о томъ, что самъ Апостолъ естественное отношеніе супруговъ считаетъ нѣкоторымъ препятствіемъ къ совершенію поста и молитвы (1 Кор. 5, 34. 35),—забываетъ, что, по христіанскому ученію первородный грѣхъ переходитъ отъ предковъ къ потомкамъ путемъ естественнаго зачатія и что поэтому Сынъ Божій, чтобъ принять на Себя безгрѣшную природу чловѣческую, зачинается и рождается не обычнымъ естественнымъ путемъ, но сверхъестественнымъ, необыкновеннымъ.

„Напрасно авторъ удовлетвореніе половой потребности ставитъ на одинаковую линію съ яденіемъ и питьемъ (см. начало 138 стр.). Это—языческая неправильная точка зрѣнія, противъ которой, вѣроятно, и направлены слова Апостола 1 Кор. 6, 13. Удовлетвореніе половой потребности не есть безусловно простое отправленіе природы, подобное другимъ естественнымъ отправленіямъ, отъ которыхъ нельзя освободиться, но чловѣческое дѣйствіе,

въ которомъ воля поглощается естественнымъ процессомъ“. Не безъ основанія „аскетика усматриваетъ въ этомъ неизбежный моментъ грѣховности, частичное поглощеніе духа низшею животною жизнью, подавленіе и нарушеніе высшей жизни, которая такъ сказать какъ бы пріостанавливается этимъ процессомъ. Вотъ почему Апостолъ Павелъ и совѣтуетъ брачнымъ людямъ уклоняться другъ отъ друга для упражненія въ постѣ и молитвѣ (Мартенсенъ).

„Авторъ на стр. 136 указываетъ на то, что заповѣди: *возьми Господа Бога твоимъ сердцемъ своимъ... отвергнись себя, возьми крестъ свой...* относятся ко всѣмъ послѣдователямъ Христа и отсюда выводить заключеніе, что брачнымъ состояніемъ самимъ по себѣ не можетъ исключаться возможность для человѣка достигнуть высшаго нравственнаго совершенства“... Изъ контекста рѣчи не совсѣмъ ясно, противъ кого направляются эти разсужденія автора, — противъ еретиковъ-ли, отвергающихъ супружество, какъ состояніе скверное и постыдное для человѣка и служащее для него препятствіемъ достигнуть спасенія, или противъ тѣхъ, которые ставятъ дѣвство выше супружества въ нравственномъ отношеніи. Если соображенія эти направлены противъ еретиковъ, отвергающихъ бракъ, то аргументація автора можетъ быть признана правильною; но она не можетъ быть признана умѣстною и правильною, если она направлена противъ предпочитающихъ дѣвство супружеству. Дѣло въ томъ, что тѣ, которые ставятъ дѣвство выше супружества, не считаютъ брака препятствіемъ ко спасенію и къ достиженію нравственнаго совершенства, необходимаго для блаженной жизни со Христомъ; они говорятъ только, что истинные дѣвственники достигаютъ высшей ступени нравственнаго совершенства, кокой не могутъ достигнуть живущіе въ бракѣ (Апок. 14, 3. 4), а потому удостоятся высшей степени блаженства и ближайшаго общенія съ Богомъ, чѣмъ проводившіе брачную жизнь. А мысль о томъ, что праведники, которыхъ Господь нѣкогда назоветъ благословенными Отца Небеснаго не всѣ будутъ равно совершенны въ нравственномъ отношеніи и потому не всѣ одинаково блаженны, нисколько не противорѣчитъ христіанскому ученію.

„Наконецъ отмѣчаемъ, что мысли автора о томъ, что нужно считать основаніемъ супружескаго союза (стр. 2—5), и мысли его о различіи между церковію и государствомъ, объ отношеніи ихъ между собою, о задачахъ ихъ по отношенію къ браку (стр. 264—267 и 304) не могутъ быть признаны обладающими полною ясностью и отчетливостью.

„Но указанные нами недостатки ни какъ не могутъ служить препятствіемъ признать рассматриваемое сочиненіе вполне удовлетворительнымъ для полученія его авторомъ степени магистра богословія».

Б) Экстраординарнаго профессора Василия Кипарисова:

„Задачу своего труда Г. Страховъ опредѣляетъ такъ: „представить посильную *апологію* института брака“ (пред. II). Побужденіемъ же къ такой именно, т. е. къ апологетической, постановкѣ изслѣдованія авторъ выставляетъ то, что „институтъ церковно-христіанскаго брака въ наше время безспорно является однимъ изъ предметовъ возбуждающихъ ожесточенные нападки и возраженія“. И съ этимъ едва-ли можно не согласиться, равно какъ и съ тѣмъ, что и вообще нашъ авторъ выразился въ одномъ мѣстѣ своего изслѣдованія— „рѣдко гдѣ либо умъ человѣческій проявлялъ столь большія и опасныя заблужденія, какъ въ пониманіи брака, его истиннаго достоинства и значенія въ человѣческой жизни“ (стр. 120). Такая чисто апологетическая задача, принятая на себя авторомъ, имѣла своимъ естественнымъ слѣдствіемъ то, что сочиненіе его имѣетъ отношеніе къ нѣсколькимъ, чтобы не сказать ко многимъ, наукамъ: и къ философіи, и къ калоникѣ, и къ нравственному богословію, при чемъ, кромѣ того, автору приходится имѣть дѣло по важнымъ для него вопросамъ, и съ наукой экзегесиса Св. Писанія, съ патристикой, и съ дѣйствующимъ русскимъ законодательствомъ. Нельзя не согласиться также съ авторомъ, что не взирая на разнохарактерность вопросовъ, входившихъ въ его изслѣдованіе, чрезъ что разумѣется, усиливалась трудность работы, онъ „никогда не уклоняясь отъ разсмотрѣнія каждаго затронутаго (и долженствующаго быть затронутымъ) вопроса“,—а о самомъ составѣ вопросовъ, изслѣдованіе которыхъ образуетъ собою сочиненіе Г. Страхова, я съ своей стороны долженъ сказать, что всѣ вопросы, которыхъ авторъ *долженъ* былъ коснуться въ силу принятой имъ на себя задачи, имъ дѣйствительно подавлены и подвергнуты разсмотрѣнію: съ этой стороны онъ по моему мнѣнію, свободенъ отъ возможности какихъ либо упрековъ. Но быть можетъ, эта же разнохарактерность или разносторонность вопросовъ, съ которыми приходилось имѣть дѣло автору вслѣдствіе принятой имъ на себя апологетической задачи, дала нѣкоторыя свойства въ изслѣдованіи Г. Страхова, которыя на посторонній взглядъ могутъ казаться нежелательными и умаляющими достоинство сочиненія. Такъ а) нельзя не замѣтить нѣкоторой

неравномѣрности въ количествѣ труда и вниманія, съ которыми авторъ трактуетъ поставляемые имъ вопросы, при чемъ вопросы важные получаютъ на свою долю менѣе страницъ, чѣмъ вопросы второстепенные. Напримѣръ, исторія возникновенія гражданского брака могла бы занимать собою вниманіе автора—менѣе и наоборотъ—чѣмъ болѣе вниманія удѣлено было бы вопросу о томъ, смотритъ-ли христіанство на бракъ пренебрежительно только какъ на меньшее, но все же зло и т. п., тѣмъ это (въ виду того, что самъ авторъ касается и ученія Толстаго) было бы лучше; и это, опять, тѣмъ болѣе будетъ справедливо желать отъ автора, что въ иныхъ случаяхъ онъ изъясняетъ готовность полемизировать даже противъ газетныхъ статей! Сюда-же я отношу трактатъ о послѣдствіяхъ расторженія брака по винѣ одного изъ супруговъ: мнѣ кажется—для автора это дѣло болѣе важное, чѣмъ опроверженіе философски-пессимистическаго воззрѣнія на бракъ, съ которымъ авторъ достаточно полемизируетъ (стр. 175 и дал.),—ибо сколько мнѣ извѣстно, вопросъ о послѣдствіяхъ расторженія брака въ послѣднее время озабочиваетъ не однихъ только писателей, а и русское церковное правительство. При томъ, если бы автору удалось рѣшить этотъ вопросъ совершенно безспорно, какъ онъ, кажется, думаетъ о своемъ рѣшеніи, это было бы важной заслугой предъ наукой каноническаго права, что само по себѣ могло бы дать автору право на искомую имъ степень,—и авторъ могъ бы свокоію предоставить философамъ извѣстнаго направленія рѣшить сколько угодно и какъ угодно вопросъ о томъ, превышаетъ въ брачномъ состояніи или не превышаетъ сумма удовольствій суммѣ неудовольствій (стр. 185. 195 и др.). б) Вынужденный вращаться въ разнообразныхъ областяхъ науки, авторъ—за тѣмъ—принимаетъ на вѣру мнѣнія, правда раздѣляемая людьми авторитетными, но—мнѣнія, противъ которыхъ можно и едва-ли не должно, спорить, и вообще—авторъ иногда принимаетъ за безспорное то, что подлежитъ критикѣ, и я полагаю, что онъ по крайней мѣрѣ усумнился бы въ несомнѣнности нѣкоторыхъ изъ своихъ положеній, если бы ему пришлось безъ посредниковъ взглянуть въ подлежащую область. Это въ особенности я долженъ сказать объ области каноническаго права. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ простое перечитываніе общедоступныхъ пособій, кажется, измѣнило-бы мысль автора. в) Полемизируя противъ ложныхъ мнѣній, авторъ, далѣе, слишкомъ скупо обращается, такъ сказать, къ помощи союзниковъ и единомышленниковъ, которыхъ у

него, несомнѣнно, много въ лицѣ дрезнихъ церковныхъ учителей, современныхъ православныхъ проповѣдниковъ и т. п. Сюда, на примѣръ, можно отнести сужденіе автора о гностическомъ дуализмѣ, какъ источникѣ, изъ котораго происходило въ первые вѣка христіанства еретическое порицаніе или отрицаніе брака (стр. 126). Свою мысль авторъ могъ бы подкрѣпить свидѣтельствами не только изъ Фаррара, но и изъ первоисточниковъ, иногда чрезвычайно характерно выражающихся о занимающемъ автора предметѣ; нѣкоторыя историческія свидѣтельства могли бы доставить автору рельефныя и убѣдительныя для читателя указанія на то, пренебрежительно въ самомъ дѣлѣ, или совсѣмъ не пренебрежительно трактовалось брачное состояніе въ эпоху христіанской древности; нѣкоторыя выдержки изъ Златоуста превосходно иллюстрировали бы мысль автора о томъ, что и особенное служеніе церкви въ пастырствѣ не почиталось само по себѣ несомвѣстимымъ съ пребываніемъ въ бракѣ и т. п. При этомъ можно было бы даже доказать, что и доктрина Толстаго, этого, какъ справедливо выражается авторъ „современника гностика“, дѣйствительно не есть что либо новое, а нѣчто весьма старое! Опускаю указанія на проповѣдниковъ новаго времени, которые, повторяю, могли быть также полезными союзниками автору, потому что его сужденіямъ давали бы высокій авторитетъ. г) Не берусь судить, насколько авторъ бываетъ точенъ въ своихъ указаніяхъ на источники и пособія въ томъ случаѣ, когда онъ вращается въ области философіи. Но когда дѣло идетъ о памятникахъ христіанской литературы, то здѣсь точность желательна бы большая. Ибо въ нѣкоторыхъ случаяхъ только знакомство съ памятниками помимо автора можетъ доставить возможность отыскать мѣсто, на которое ссылается авторъ. Такъ на примѣръ, читатель книги Г. Страхова будетъ удивленъ, отыскивая цитуемое имъ мѣсто (стр. 85) изъ Св. Григорія Богослова по русскому переводу (а искать по русскому переводу даетъ основаніе и русская цитатія и аналогія съ другими мѣстами у автора): мѣста этого по авторскому указанію нельзя найти. Но и авторъ, конечно, правъ, приписывая Св. Григорію то, что приписываетъ ему. Дѣло въ томъ, что авторъ свое указаніе на 31-е слово заимствуетъ, вѣроятно, руководясь какимъ нибудь иностраннымъ пособіемъ, которое слѣдуетъ Билліеву изданію твореній Св. Григорія, гдѣ слово это дѣйствительно таково по счету; въ русскомъ-же изданіи оно будетъ 37-е. Но вѣдь, чтобы добиться до разрѣшенія предложенной авторомъ

своего рода задачи — нужны усилія, къ которымъ едва-ли можно обязывать всякаго читателя добровольно! Отмѣтимъ здѣсь еще какъ неточныя цитаты на страницахъ: 74. 79. 93. 100. 147, хотя можно указать также и на нѣкоторыя другія, если подѣть неточностию разумѣть отступленіе отъ общепринятаго способа цитаціи. — Какъ совершенно особый въ этомъ отношеніи случай должно отмѣтить указаніе автора на Св. Меѳодія Патарскаго, на стр. 282. Хотя авторъ и здѣсь повидимому только не точно ссылается на извѣстный „Пиръ Дѣвъ“ (ибо указываетъ лишь: oratio 6, безъ указанія главы, изданія и т. п.); но важнѣе, по моему мнѣнію, здѣсь то, что даваемый авторомъ переводъ (имѣ ли самимъ сдѣланный или откуда заимствованный) весьма расходится съ переводомъ профессора Ловягина—до того, что у Ловягина совсѣмъ не дается мысли, усматриваемой у Меѳодія: „обхожу со Христомъ окрестъ безначальнаго и безсмертнаго Царя“. Профессоръ-же Ловягинъ передаетъ это мѣсто такъ: „ликую на себѣ со Христомъ близъ безначальнаго и безконечнаго (Христа) Царя“ (Свят. Меѳодій, СПб. 1877, стр. 54). Здѣсь авторъ, по моему мнѣнію, обязанъ былъ дать читателю какое нибудь разъясненіе того, почему онъ не слѣдуетъ уже существовавшему до него переводу лица не безавторитетнаго въ своемъ дѣлѣ. И это тѣмъ болѣе, что, сообразуясь съ своимъ переводомъ, авторъ дѣлаетъ весьма важное въ археологическомъ отношеніи замѣчаніе, котораго нельзя сдѣлать слѣдуя переводу проф. Ловягина. д) Встрѣчаются, наконецъ, случаи несогласованности въ свидѣтельствахъ автора. На страницѣ 233 и далѣе авторъ настойчиво увѣряетъ читателя, что „только четыре случая“ въ русскомъ законодательствѣ признаются основаніемъ къ расторженію заключеннаго брака. На стр. 100-й даетъ разумѣть, что кромѣ отмѣченныхъ случаевъ можетъ быть и пятый: это именно по замѣчанію автора бракъ расторгается, если онъ былъ заключенъ въ то время, когда одно изъ лицъ брачующихся находилось въ состояніи душевной болѣзни, — хотя, конечно, авторъ, говоря такъ, можетъ имѣть оправданіе въ томъ, что законъ различаетъ принудительное расторженіе неправильно заключеннаго брака отъ факультативнаго развода браковъ, заключенныхъ совершенно правильно. Если же прибавить къ этому, что по нашимъ законамъ есть и еще причина, по которой бракъ можетъ быть расторгнутъ (поступленіе обоихъ супруговъ въ монашество): то окажется, что автору не слѣдовало такъ рѣшительно настаивать на указанномъ имъ числѣ причинъ расторженія брака.

„Отмѣчая указанныя свойства въ сочиненіи Г. Страхова, я однакоже тѣмъ не хочу поставлять подѣ сомнѣніе право Г. Страхова на искомую имъ степень. Не могу принять на себя опредѣленія *относительнаго* достоинства сочиненія Г. Страхова между сочиненіями, трактующими о томъ же предметѣ. Но что касается того изъ отмѣченныхъ мною свойствъ труда автора, что онъ сравнительно мало обращается къ тому роду церковной (древней и новой) литературы, который могъ бы сослужить автору хорошую службу, доставляя ему въ иныхъ случаяхъ большую и авторитетную твердость въ защищаемыхъ имъ положеніяхъ и высказываемыхъ соображеніяхъ, то здѣсь, мнѣ кажется, не должно упускать изъ виду слѣдующаго: удовлетворить высказываемому мною желанію наибольшей полноты въ свидѣтельствахъ, во всякомъ случаѣ значило бы — расширить объемъ представленной книги. Но я не рѣшаюсь утверждать, чтобы автору, наставнику Семинаріи, на свои средства напечатавшему книгу свыше двадцати печатныхъ листовъ, безъ затрудненій можно было увеличить свою книгу до большаго объема, — и съ нею довольно и тѣхъ матеріальныхъ и нравственныхъ усилій и жертвъ, которыя обнаружились въ его рѣшимости неоднократно передѣлывать и издать на свой счетъ, пусть не безусловно совершенный, трудъ. — Другія же изъ отмѣченныхъ мною нежелательныхъ свойствъ въ трудѣ автора могутъ быть весьма уравновѣшены несомнѣнно существующими достоинствами въ этомъ трудѣ. Къ таковымъ я отношу: безспорно хорошее знакомство автора съ философіей; глубокую убѣжденность въ истинѣ защищаемыхъ имъ положеній, могущую сообщаться и читателю; хорошій языкъ сочиненія. Въ частности у автора не мало отдѣловъ, въ которыхъ вопросы разработаны съ совершенною обстоятельностью, долженствующею удовлетворять читателя, если таковой не относится къ дѣлу съ совершеннымъ предубѣжденіемъ. Таковы напримѣръ: критика института гражданского брака; о моногаміи, какъ единственно истинной формѣ брака; о значеніи брака въ общественной жизни; о возможныхъ опасныхъ слѣдствіяхъ незатрудненности развода. Хороши также и многія отдѣльныя замѣчанія, высказываемыя авторомъ при апологетированіи христіанскаго брака и при критикѣ мнѣній противниковъ. Сюда я отношу: замѣчанія о причинахъ современной нравственной распущенности (стр. 166—67); о значеніи брака, какъ состоянія воспитывающаго въ людяхъ чувство долга и сокращающаго эгоистическіе инстинкты (188—90); о возможности воспитанія чувствъ

для противодѣйствія наклонности къ физической распущенности (222—24); о нравственно-образующемъ значеніи семьи и нѣкоторыя другія. Замѣчанія эти, быть можетъ, окажутся неубѣдительно для толстовцевъ и для теоретиковъ и практиковъ свободныхъ супружествъ, но онѣ заключаютъ въ себѣ мысли, обращенія и утвержденія которыхъ не можетъ не искать какъ православный богословъ, такъ и вообще здравомыслящій человѣкъ. Если прибавить, что авторъ не есть лицо совершенно безъизвѣстное въ духовной литературѣ, и что отношеніе его къ перу и писательству не случайное и лишь для соисканія магистерства обнаруживающееся, то я думаю должно будетъ признать удостоеніе Г. Страхова степени магистра богословія дѣломъ совершенно справедливымъ“.

Справка: Преподаватель Николай Страховъ представилъ, на основаніи § 32 положенія объ испытаніяхъ на ученыя степени, 50 экземпляровъ своей диссертациі.

XV. Прошеніе Законоучителя Тульскаго Епархіальнаго женскаго училища, кандидата богословія, священника Димитрія Глаголева:

„Сочиненіе мое: „Второе великое путешествіе Св. Ап. Павла“ 30 октября минувшаго года Академическимъ Совѣтомъ было признано достаточнымъ для полученія мною степени магистра богословія“.

„Въ настоящее время, отпечатавъ диссертацию и пославъ въ Академію узаконенные 50 экземпляровъ отпечатаннаго сочиненія, я покорѣйше прошу Совѣтъ допустить меня до коллоквиума и при томъ, если возможно—осмѣливаюсь просить объ этомъ—допустить до окончанія истекающаго академическаго года“.

Справка: По опредѣленію Совѣта Академіи отъ 30 октября минувшаго 1892 года Священнику Димитрію Глаголеву дозволено было печатать его магистерское сочиненіе, а сужденіе о диспутѣ отложено было до представленія имъ узаконеннаго количества экземпляровъ напечатанной диссертациі.

Опредѣлили: 1) Допустить кандидатовъ Н. Страхова и священника Д. Глаголева къ защищенію ихъ диссертаций на степень магистра. 2) Официальными оппонентами при защитѣ диссертациі Н. Страховымъ назначить и. д. ординарнаго профессора Петра Казанскаго и э.-ординарнаго профессора Василя Кипарисова, а свящ. Д. Глаголевымъ—Инспектора Академіи Архимандрита Григорія и доцента Митрофана Муретова. 2) Предоставить о. Ректору Академіи войти въ сношеніе съ магистрантами относительно дней диспутовъ и пригласить къ участію въ нихъ стороннихъ лицъ.

3) Постановленіе сіе благопочтительнѣйше представить на благоусмотрѣніе Его Преосвященства.

XVI. Донесеніе комиссіи, ревизовавшей прихода-расходныя книги и другіе документы Редакціи „Богословскаго Вѣстника“.

Опредѣлили: Выразить благодарность членамъ ревизіонной комиссіи: профессору Дмитрію Ѳ. Голубинскому, Петру И. Казанскому и Ивану Н. Корсунскому, а прочее принять къ свѣдѣнію.

XVII. Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 18 Апрѣля за № 1459:

„Императорское Московское Археологическое Общество имѣетъ честь покорнѣйше просить Древнехранилище при Московской Духовной Академіи назначить депутатовъ на Высочайше разрѣшенный Археологическій Сѣздъ, назначенный съ 1-го по 15 Августа текущаго года въ г. Вильнѣ, а вмѣстѣ съ назначеніемъ Г.г. Депутатовъ (съ точнымъ обозначеніемъ адресовъ) извѣстить Общество, по какой желѣзнодорожной линіи угодно будетъ Депутатамъ направиться въ Вильно, дабы дать возможность Обществу заблаговременно выслать Г.г. Депутатамъ и членамъ Сѣзда льготныя свидѣтельства, предоставленныя Правительствомъ Сѣздамъ, Выставкамъ и т. п.

„Прилагая при семъ правила Сѣзда, Императорское Московское Археологическое Общество позволяетъ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи § 4 утвержденныхъ правилъ, замѣтить, что пріѣздъ Г.г. Депутатовъ въ Вильно желателенъ за 4 дня до открытія Сѣзда, то есть 28 Іюля“.

Опредѣлили: Предложить э.-орд. профессору Академіи Николаю Каптереву и доценту Александру Голубцову отправиться въ г. Вильну въ качествѣ депутатовъ отъ Академіи для участія въ засѣданіяхъ Археологическаго Сѣзда. 2) Благопочтительнѣйше просить ходатайства Его Преосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ отпускѣ потребной въ пособіе профессору Н. Каптереву и доценту А. Голубцову на путевые расходы и содержаніе въ Вильнѣ суммы въ количествѣ 300 рублей; прочее принять къ исполненію.

XVIII. Записки доцентовъ — Н. Заозерскаго, М. Муретова и А. Шостыина о выпискѣ книгъ, которыя они считаютъ нужнымъ пріобрѣсти для академической бібліотеки.

Опредѣлили: Поручить бібліотекарю Академіи Н. Колосову выписать для академической бібліотеки, по справкѣ съ ея налич-

ностію, означенныя въ запискахъ книги и о послѣдующемъ представить Правленію Академіи.

XIX. Прошеніе экстра-ординарнаго профессора Григоріи Воскресенскаго:

„Покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи выписать для моихъ ученыхъ занятій, на двухмѣсячный срокъ, нижеслѣдующія рукописи:

А) Хранящіяся въ ризницѣ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры:

1. Четвероевангеліе преп. Никона, на пергаментѣ, 189 л. конца XIV в. № 1 (ризн. описи).

2. Евангеліе и Апостолъ апракосы перг. 266 л. XIV, № 2.

3. Евангеліе, перг. 284 л. XIV в. № 3.

4. Евангеліе, перг. 300 л. XIV в. № 5.

5. Евангеліе, перг. 227 л. 1392 г. № 6.

6. Четвероевангеліе, перг. 242 л. XIV—XV в. № 7 и

Б) Хранящіяся въ библіотекѣ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры:

7. Евангеліе, перг. 164 л. XIV в. № (1993).

8. Четвероевангеліе, бум. 470 л. 1472 г. № 66 (14).

О п р е д ѣ л и л и: Просить Учрежденный Соборъ Свято-Троицкіи Сергіевы Лавры о высылкѣ на испрашиваемый срокъ означенныхъ въ прошеніи профессора Г. Воскресенскаго рукописей.

XX. Отношеніе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ отъ 30 Апрѣля за № 314 съ просьбою выслать на трехмѣсячный срокъ рукопись по описанію Іеромонаха Іосифа № 73 (309) на 350 л.л. (изъ числа рукописей Волоколамскаго монастыря).

О п р е д ѣ л и л и: Выслать означенную въ отношеніи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ рукопись на испрашиваемый срокъ.

XXI. Отношеніе Правленія Сѣвскаго духовнаго училища отъ 27 Апрѣля за № 91:

„Преподаватель Сѣвскаго духовнаго училища Александръ Ильинскій, окончившій курсъ въ Московской Академіи въ 1891 году съ званіемъ дѣйствительнаго студента, 20 сего Апрѣля вошелъ въ Правленіе училища съ прошеніемъ ходатайствовать предъ Совѣтомъ Московской Академіи о выпискѣ изъ академической библіотеки слѣдующихъ, необходимыхъ ему для научныхъ занятій, книгъ:

1. О недвижимыхъ имуществѣхъ духовенства въ Россіи сочин. Милютина,

2. Обзоръ общихъ законоположеній о содержаніи духовенства въ Россіи с. Григоровича,

3. Положеніе духовенства въ царствованіе Екатерины II-й и Павла соч. Знаменскаго,

4. Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра I—соч. Знаменскаго,

5. Исторія Славяно-Греко-Латинской Академіи—соч. Смирнова,

6. Исторія Троицкой семинаріи—его же,

7. Исторія Кіевской Духовной Академіи, соч. Пр. Макарія,

8. Исторія Казанской духовной семинаріи, соч. Благовѣщенскаго,

9! Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г. соч. Знаменскаго,

10, Религіозный бытъ Русскихъ и отношеніе духовенства въ Россіи въ XVII и XVIII вв. Трегубова,

11. Исторія Русской Церкви соч. Голубинскаго.

„Входя въ положеніе преподавателя Ильинскаго, имѣющаго настоятельную нужду въ означенныхъ книгахъ для своихъ научныхъ занятій, Правленіе Сѣвскаго духовнаго училища беретъ на себя смѣлость просить о высылкѣ ихъ Совѣтъ Московской Академіи, присовокупляя при семъ, что если на это послѣдуетъ разрѣшеніе, Правленіе беретъ на себя отвѣтственность за цѣлость и сохранность ихъ, а равнымъ образомъ и за точное исполненіе всѣхъ тѣхъ условій, какія будутъ предъявлены относительно срока пользованія, одновременнаго количества полученія книгъ и пересылки ихъ.

Опредѣлили: Увѣдомить Правленіе Сѣвскаго духовнаго училища для сообщенія преподавателю училища Александру Ильинскому, что онъ для своихъ занятій можетъ пользоваться означенными въ отношеніи Правленія книгами только въ фундаментальной академической библіотекѣ.

XXII. Отношенія—а) Директора Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ отъ 19 Марта за № 210, б) Ректора Казанскаго Университета отъ 8 Апрѣля за № 813 и в) Предсѣдателя Организационнаго Комитета Высочайше разрѣшенныхъ международныхъ конгрессовъ въ Москвѣ, — при коихъ препровождены разныя ученые изданія для академической библіотеки.

Опредѣлили: Присланныя книги сдать въ фундаментальную библіотеку и благодарить за присылку ихъ.

XXIII. Въ виду важности балловъ, которыми оцѣниваются канди-

датскія сочиненія, разсуждали о необходимости вносить отнынѣ эти баллы въ кандидатскіе дипломы.

Справка: По § 81 лит. а п. 8 уст. дух. академій „распоряженія о выдачѣ дипломовъ и аттестатовъ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ“.

Опредѣлили: Баллы, которыми оцѣниваются кандидатскія сочиненія, вносить нѣ кандидатскіе дипломы.

„На семь журналъ резолюція Его Преосвященства: „1893 г. 14 Мая. Утверждается“.

23 Мая 1893 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Никанора, Епископа Архангельскаго и Холмогорскаго, Ректоръ Академіи Архимандритъ Антоній, Инспекторъ Архимандритъ Григорій и члены Совѣта Академіи, кромѣ профессоровъ Н. Субботина и В. Ключевского, отсутствовавшихъ по домашнимъ обстоятельствамъ.

Въ собраніи семь законоучитель Тульскаго Епархіальнаго училища, кандидатъ богословія, священникъ Димитрій Глаголевъ защищалъ представленную имъ на степень магистра богословія диссертацию подъ заглавіемъ: „Второе великое путешествіе Св. Ап. Павла съ проповѣдью Евангелія (Дѣян. XV, 40 — XVIII. 22). Опытъ историко-экзегетическаго изслѣдованія. Тула. 1893“. Оппонентами были: Инспекторъ Академіи Архимандритъ Григорій и доцентъ по кафедрѣ Св. Писанія Новаго Завѣта Митрофанъ Муретовъ.

По окончаніи диспута Ректоръ Академіи, Архимандритъ Антоній, собравъ голоса членовъ Совѣта, объявилъ, что Совѣтъ призналъ защиту магистрантомъ его диссертации удовлетворительною.

Справка: 1) По § 136 устава духовныхъ академій „кандидаты удостоиваются степени магистра богословія не иначе, какъ по напечатаніи сочиненія и удовлетворительномъ защищеніи его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ постороннихъ лицъ (коллоквиумъ)“. 2) По § 81 лит. в. п. 6 того-же устава „удостоеніе степени магистра богословія значится между дѣлами Совѣта Академіи, представляемыми чрезъ Епархіальнаго Преосвященнаго на утвержденіе Святѣйшаго Синода“.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Преосвящен-

ства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи законоучителя Тульскаго Епархіальнаго училища, кандидата богословія, священника Димитрія Глаголева въ степени магистра богословія. 2) Представить Его Преосвященству и въ Святѣйшій Синодъ по экземпляру диссертациі кандидата богословія, священника Глаголева и копіи съ отзывовъ о ней профессора А. Смирнова и доцента М. Муретова.

На семь журналѣ резолюція Его Преосвященства: „1893 г. 1 Юн. Согласенъ“.

26 Мая 1893 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи, Архимандрита Антонія, Инспекторъ Академіи Архимандритъ Григорій и члены Совѣта Академіи, кромѣ профессоровъ: П. Субботина, Е. Голубинскаго и В. Ключевскаго, отсутствовавшихъ по болѣзни.

Въ собраніи семь преподаватель Харьковской Духовной семинаріи, кандидатъ богословія, Николай Страховъ защищалъ представленную имъ на степень магистра богословія диссертацию подъ заглавіемъ: „Бракъ, разсматриваемый въ своей природѣ и со стороны формы его заключенія“. Харьковъ. 1893. Оппонентами были: и. д. ординарнаго профессора по кафедрѣ исторіи философіи Петръ Казанскій и э.-ординарный профессоръ по кафедрѣ гомилетики Василій Кипарисовъ.

По окончаніи диспута Ректоръ Академіи, Архимандритъ Антоній, собравъ голоса членовъ Совѣта, объявилъ, что Совѣтъ призналъ защиту магистрантомъ его диссертациі удовлетворительною.

Справка: 1) По § 136 устава духовныхъ академій „кандидаты удостоиваются степени магистра богословія не иначе, какъ по напечатаніи сочиненія и удовлетворительномъ защищеніи его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ постороннихъ лицъ (коллоквиумѣ)“. 2) По § 81 лит. в. п. 6 того же устава „удостоеніе степени магистра богословія значится между дѣлами Совѣта Академіи, представляемыми чрезъ Епархіальнаго Преосвященнаго на утвержденіе Святѣйшаго Синода.“

Опредѣлили: 1) Благопочтительнѣйше просить ходатайства Его Преосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи преподавателя Харьковской духовной семинаріи, кандидата

богословія, Николая Страхова въ степени магистра богословія. 2) Представить Его Преосвященству и въ Святѣйшій Синодъ по экземпляру диссертации кандидата богословія Страхова и копии съ отзывовъ о ней профессоровъ П. Казанскаго и В. Кипарисова.

На семъ журналѣ резолюція Его Преосвященства: „1893 г. 1 Юн. Согласенъ“.

1 Юня 1893 года.

Присутствовали, подъ предѣлательствомъ Ректора Академіи, Архимандрита Антонія, Инспекторъ Академіи Архимандритъ Григорій, члены Совѣта Академіи, кромѣ профессоровъ: П. Субботина, В. Ключевского и П. Горскаго, отсутствовавшихъ по домашнимъ обстоятельствамъ.

Въ собраніи, семъ кандидатъ богословія, окончившій курсъ наукъ въ Московской Духовной Академіи въ 1892 году и оставленный при Академіи для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ профессорскихъ кафедръ, Иванъ Поповъ прочиталъ, согласно опредѣленію Совѣта Академіи отъ 1 Мая сего года, двѣ пробныя лекціи,—одну на тему по собственному избранію: „Тертуліанъ“ (опытъ литературной характеристики), другую — по назначенію Совѣта Академіи: „О задачахъ и методахъ патрологіи“. Обѣ прочитанныя кандидатомъ Поповымъ лекціи признаны были Совѣтомъ Академіи удовлетворительными.

Справка: 1) § 48 устава духовныхъ академій: „Для полученія званія доцента надлежитъ имѣть степень не ниже магистра“. 2) По § 55 того же устава, кандидаты, оставляемые при Академіи для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ кафедръ „по истеченіи года представляютъ отчетъ Совѣту о своихъ занятіяхъ и затѣмъ могутъ быть опредѣляемы на соотвѣтственныя ихъ приготовленію вакантныя кафедры, съ званіемъ исправляющихъ должность доцента до окончательнаго утвержденія въ степени магистра. Срокъ для полученія ими сей степени назначается не болѣе двухъ лѣтъ со дня поступленія на должность“. 3) По § 81 лит. б. п. 4 устава, избраніе кандидата на должность доцентовъ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: 1) Благопочтительнѣйше ходатайствовать предъ

Его Преосвященствомъ о разрѣшеніи Совѣту Академіи допустить къ чтенію лекцій по вакантной каѳедрѣ патристики кандидата богословія Ивана Попова въ качествѣ исправляющаго должность доцента Академіи со времени избранія. 2) Объявить кандидату Попову, что для опредѣленія на должность доцента Академіи по означенной каѳедрѣ онъ долженъ получить степень магистра, согласно § 55 устава Духовныхъ Академій, не позже двухъ лѣтъ со дня избранія его на должность доцента, т. е. съ 1-го Іюня текущаго года.

На семь журналѣ резолюція Его Преосвященства: „1893 г. 5 Іюн. Согласенъ“.

5 іюня 1893 г.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи, Архимандрита Антонія, Инспекторъ Академіи Архимандритъ Григорій, члены Совѣта Академіи, кромѣ профессоровъ Н. Субботина и В. Ключевского, не присутствовавшихъ по домашнимъ обстоятельствамъ и профессора В. Кипарисова, не присутствовавшего по семейнымъ обстоятельствамъ.

Слушали: I. Внесенные предсѣдателями комиссій, производившихъ испытанія въ текущемъ году, списки студентовъ и вольнослушателей III курса съ отмѣтками балловъ по отвѣтамъ, даннымъ ими на испытаніяхъ, и сочиненіямъ, написаннымъ ими въ теченіе учебнаго года. По разсмотрѣніи сихъ списковъ оказалось, что изъ 58 студентовъ и 2-хъ вольнослушателей—51 имѣютъ въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ, баллы не менѣе 4 и ни по одному предмету менѣе 3— и у одного вольнослушателя—священника Николая Толстаго, имѣющаго на сочиненіи по догматическому богословію баллъ $2\frac{1}{2}$, а на сочиненіи по педагогикѣ баллъ 1,—средній баллъ 3, 15. Студенты: Василій Сенатовъ, Владиміръ Оргійскій и Стефанъ Іовичичъ не представили семестровыхъ сочиненій по догматическому богословію, студенты—Василій Корсунскій и Добросавъ Марковичъ—по педагогикѣ, Ювеналій Тиховскій и Симонъ Логадзе—по догматическому богословію и педагогикѣ; кромѣ того, Логадзе не представилъ проповѣди и не держалъ испытанія по русской церковной исторіи; студентъ Михаилъ Смирновъ не держалъ испытаній ни по одному изъ предметовъ III курса и не представилъ ни одного семестрового сочиненія и проповѣди.

II. Внесенный Инспекторомъ Академіи, Архимандритомъ Григоріемъ списокъ студентовъ и вольнослушателей III курса съ обозначеніемъ балловъ по ихъ поведенію; въ этомъ списокѣ поведеніе 57 студентовъ и 2-хъ вольнослушателей означено балломъ 5 и одного студента балломъ—4.

III. Прошенія студентовъ III курса, не представившихъ по болѣзни своевременно семестровыхъ сочиненій или проповѣди: а) Василия Сенатова, Владиміра Оргійскаго, Стефана Іовичича, Василия Корсунскаго, Доброслава Марковича, Ювеналія Тиховскаго и Симона Логадзе, не державшаго кромѣ того устнаго испытанія по русской церковной исторіи, о дозволеніи имъ подать письменныя работы послѣ лѣтнихъ каникулъ, а Логадзе кромѣ того сдать экзаменъ по русской церковной исторіи и б) Михаила Смирнова не державшаго испытаній ни по одному изъ предметовъ III курса и не представившаго ни одного сочиненія и проповѣди, объ оставленіи его на повторительный курсъ съ правомъ пользоваться тою же стипендіей, на которой онъ состоитъ.

Справка: 1) § 132 устава духовныхъ академій: „По окончаніи испытаній, на каждомъ курсѣ составляется Совѣтомъ списокъ студентовъ по успѣхамъ и поведенію“. 2) Того-же устава §§ 133 и 134: „При опредѣленіи сравнительнаго достоинства студентовъ и составленіи списка ихъ принимаются во вниманіе сочиненія, устные отвѣты и поведеніе. *Примѣчаніе.* При составленіи списка новые языки въ общій счетъ предметовъ не вводятся. Въ случаѣ неуспѣхности, зависѣвшей единственно отъ болѣзни, студенты могутъ быть оставляемы, съ разрѣшенія Совѣта, на второй годъ въ томъ или другомъ курсѣ, но одинъ только разъ въ продолженіе четырехлѣтняго академическаго курса“. 3) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 16 января 1891 года за № 212 Совѣту Академіи вмѣнено въ обязанность позволять студентамъ подачу семестровыхъ сочиненій послѣ лѣтнихъ каникулъ только въ особо уважительныхъ случаяхъ, а на перенесеніе устныхъ экзаменовъ каждый разъ испрашивать особое разрѣшеніе Епархіальнаго Преосвященнаго. 4) Студентъ Михаилъ Смирновъ не оставался на второй годъ ни въ одномъ курсѣ.

Опредѣлили: 1) Студентовъ III курса: Леонида Соколова, Ѳедора Преображенскаго, Івана Романова, Николая Лебедева 5) Михаила Сменцовскаго, Сергѣя Кулюкина, Семена Попова, Владиміра Ильинскаго, Василия Мещерскаго, 10) Константина Счастлива, Дмитрія Боголюбова, Дмитрія Садовскаго, Алексѣя Николь-

скаго, Александра Бѣляева, 15) Авенира Полозова, Ивана Ублинскаго, Владиміра Покровскаго, Василя Промтова, Дмитрія Ширяева, 20) Александра Кедрова, Алексѣя Хвошева, Василя Раевского, Прокопія Шукина, Александра Знаменскаго, 25) Ивана Никольскаго, Николая Георгіевскаго, Сергѣя Сахарова, Николая Дороватовскаго, Константина Казанскаго, 30) Александра Никольскаго, Евгенія Кочанова, Михаила Сеславинскаго, Петра Губкинскаго, 35) Никиту Рождественскаго, Петра Перхоровича, Александра Протопопова, Константина Успенскаго, Николая Пооска, 40) Якова Воскресенскаго, Александра Покровскаго, Петра Шумова, Павла Синайскаго, Павла Всѣхсвятскаго, 45) Ивана Успенскаго, Николая Молчанова, Сергѣя Скворцова, Прокопія Явловскаго, Вячеслава Тихальскаго, 50) Іеродіакона Каллиста, и вольнослушателя, священника Сергія Богоявленскаго перевести въ слѣдующій курсъ. 2) Принимая во вниманіе, что студенты: Василій Сенатовъ, Владиміръ Оргійскій, Стефанъ Іовичичъ, Василій Корсунскій, Добросавъ Марковичъ и Ювеналій Тиховскій не представили семестровыхъ сочиненій, а Симонъ Логадзе и Михаилъ Смирновъ не держали испытаній—первый по русской церковной исторіи, а второй—ни по одному изъ предметовъ III курса и не представили — Логадзе проповѣди, а Смирновъ ни одного семестрового сочиненія и проповѣди—въслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, подтвержденнаго свидѣтельствами академическаго и другихъ врачей,—студентамъ: В. Сенатову, В. Оргійскому, С. Іовичичу, В. Корсунскому, Д. Марковичу, Ю. Тиховскому и С. Логадзе дозволить подачу семестровыхъ сочиненій, а Логадзе кромѣ того проповѣдь, послѣ лѣтнихъ каникулъ, студента М. Смирнова оставить на повторительный курсъ съ правомъ пользоваться той стипендіей, на которой онъ состоитъ. О разрѣшеніи студенту С. Логадзе сдавать экзаменъ по русской церковной исторіи послѣ каникулъ благопочтительнѣйше ходатайствовать предъ Его Преосвященствомъ. 3) Имѣя въ виду неудовлетворительные баллы по двумъ семестровымъ сочиненіямъ у священника Н. Толстаго, сужденіе о переводѣ его въ слѣдующій курсъ отложить до начала слѣдующаго учебнаго года.

IV. Внесенные предсѣдателями комиссій, производившихъ испытанія студентовъ и вольнослушателей II курса, списки съ отмѣтками балловъ по отвѣтамъ, даннымъ ими на испытаніяхъ, и сочиненіямъ, написаннымъ ими въ теченіе учебнаго года. По разсмотрѣніи сихъ списковъ оказалось, что изъ 65 студентовъ и 3-хъ

вольнослушателей 55 имѣютъ въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ баллы не менѣе 4 и ни по одному предмету менѣе 3; у 6 студентовъ средній баллъ не менѣе 3, 64. Студенты: Евгеній Поповъ, Константинъ Поповъ, Николай Парбеконъ, Николай Красновъ, Михаилъ Бреховъ и Василій Лашнюковъ не представили семестровыхъ сочиненій по общей церковной исторіи, кромѣ того, Михаилъ Бреховъ не представилъ проповѣди, а Василій Лашнюковъ не держалъ испытаній по исторіи русской литературы и психологій.

V. Внесенный Инспекторомъ Академіи, Архимандритомъ Григоріемъ, списокъ студентовъ и вольнослушателей II курса съ обозначеніемъ балловъ по ихъ поведенію; въ этомъ списокѣ поведеніе 62 студентовъ и 3-хъ вольнослушателей обозначено балломъ 5 и 3-хъ студентовъ балломъ 4.

VI. Прошенія студентовъ II курса, не подавшихъ своевременно семестровыхъ сочиненій или проповѣди по болѣзни: Евгенія Попова, Константина Попова, Николая Нарбекова, Николая Краснова, Михаила Брехова и Василія Лашнюкова, не державшаго кромѣ того испытаній по исторіи русской литературы и психологій, о дозволеніи имъ подать письменныя работы и сдать устные испытанія послѣ лѣтнихъ каникулъ. При прошеніяхъ каждымъ студентомъ представлено медицинское свидѣтельство.

Опредѣлили: 1) Студентовъ II курса: 1) Николая Городенскаго, Сергѣя Смирнова, Владиміра Абрамовича, Ивана Добролюбова, 5) Аполливарія Свавицкаго, Виктора Ливанова, Василія Юрасова, Ивана Жданова, Константина Всѣхсвятскаго, 10) Александра Стефановскаго, Дмитрія Брянцева, Василія Покровскаго, Леонида Грандильевскаго, Кронида Смирнова, 15) Сергѣя Успенскаго, Ивана Артоболевскаго, Александра Смирнова, Алексѣя Запаладова, Павла Грому, 20) Никифора Дмитревскаго, Николая Селунскаго, Константина Никольскаго, Ивана Булгакова, Василія Кузнецова, 25) Сергѣя Поліевктова, Ивана Строганова, Михаила Граціанскаго, Николая Спасскаго, Ивана Тихомирова, 30) Михаила Нечаева, Александра Пятикрестовскаго, князя Александра Ухтомскаго, Сергѣя Орлова, Бориса Бѣленькаго, 34) Владиміра Никольскаго, Іеромонаха Трифона, Сергѣя Попова, Николая Гальковскаго, Михаила Славскаго, 40) Владиміра Каптерева, Александра Соловьева, Семена Голубева, Сергѣя Озерецковскаго, Павла Георгіевскаго, 45) Филиппа Виноградова, Геннадія Добротина, Алексѣя Данилова, Николая Пифонтова, Василія Говорова, 50) Александра

Песочина, Ивана Фильдмана, Емельяна Витошинскаго, Дмитрія Розанова, Семена Касаткина, 55) Ивана Виноградова, священника Симеона Никольскаго, Θεодосія Никольскаго, Якова Хабибъ-Хананію, Іордана Видойковича, 60) вольнослушателя Іеродіакона Никона и вольнослушателя Василия Буяльскаго перевести въ слѣдующій курсъ. 2) Студентамъ Е. Попову, К. Попову, Н. Нарбекову, Н. Краснову, М. Брехову и В. Лашнюкову дозволить подачу семестровыхъ сочиненій, а Брехову кромѣ того проповѣди, послѣ лѣтнихъ каникулъ. О разрѣшеніи студенту В. Лашнюкову сдавать экзамены по исторіи русской литературы и психологіи послѣ каникулъ благопочтительнѣйше ходатайствовать предъ Его Преосвященствомъ.

VII. Внесенные предсѣдателями комиссій, производившихъ испытанія студентовъ и вольнослушателей I курса, списки съ отмѣтками балловъ по отвѣтамъ, даннымъ ими на испытаніяхъ, и сочиненіямъ, написаннымъ ими въ теченіе учебнаго года. По разсмотрѣніи сихъ списковъ оказалось, что изъ 81 студента и 5 вольнослушателей 69 имѣютъ въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ баллы не менѣе 4 и ни по одному предмету менѣе 3—; у 15—средній баллъ не менѣе 3, 35. Студентъ Іеродіаконъ Протасій (Памфиловъ) не держалъ испытаній по латинскому и еврейскому языкамъ и не представилъ семестроваго сочиненія по исторіи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ и студентъ Михаилъ Кынчевъ не представилъ семестроваго сочиненія по библейской исторіи.

VIII. Внесенный Инспекторомъ Академіи, Архимандритомъ Григоріемъ списокъ студентовъ и вольнослушателей I курса съ обозначеніемъ балловъ по ихъ поведенію; въ этомъ списокѣ поведеніе 79 студентовъ и 5 вольнослушателей обозначено балломъ 5 и двухъ студентомъ—балломъ 4.

XI. Прошенія студентовъ Іеродіакона Протасія (Памфилова) и Михаила Кынчева о разрѣшеніи имъ подать семестровыя сочиненія, а Іеродіакону Протасію кромѣ того сдать устные испытанія по латинскому и еврейскому языкамъ, послѣ лѣтнихъ каникулъ. Тотъ и другой не подали сочиненій, а Іеродіаконъ Протасій кромѣ того не держалъ устныхъ испытаній своевременно по болѣзни. При прошеніяхъ представлены медицинскія свидѣтельства.

Опредѣлили: 1) Студентовъ II курса: 1) Владиміра Тихомирова, Дмитрія Судницына, Николая Покровскаго, Василия Рѣчкина, 5) Сергѣя Арановича, Ивана Пальмова, Христофора Надеж-

дина, Николая Ивановскаго, Ивана Голубева, 10) Александра Успенскаго, Михаила Изюмова, Александра Титова, Василя Яновскаго, Василя Рыбинскаго, 15) Леонида Краснова, Ивана Успенскаго, Матвѣя Запольскаго, Василя Креминскаго, Ивана Рѣчкина, 20) Петра Нагорова, Александра Сахарова, Евгенія Мелехова, Дмитрія Цитовича, Ивана Строева, 25) Александра Сосновскаго, Виктора Нечаева, Василя Воскресенскаго, Михаила Дрозда, Александра Горшкова, 30) Діакона Петра Рождественскаго, Николая Боголюбова, Николая Преображенскаго, Ивана Хрѣновскаго, Дмитрія Покровскаго, 35) Дмитрія Лебедева, Николая Ѳеодоровскаго, Константина Якубовскаго, Анатоля Попова, Сергѣя Четверикова, 40) Григорія Богоявленскаго, Ивана Захаржевскаго, Николая Штемберга, Михаила Добротворскаго, Игнатія Заржицкаго, 45) Александра Кузнецова, Николая Дихачева, Ефрема Веригина, Константина Смагина, Ивана Попова, 50) Михаила Кузнецова, Сергѣя Ставровскаго, Николая Чистосердова, Сергѣя Москалевича, Алексѣя Соломина, 55) Михаила Кіатекаго, Евтихія Маминайшвили, Дмитрія Мучкапскаго, Василя Мухина, Константина Алмазова, 60) Сергѣя Молчанова, Николая Добротина, Аѳанасія Грановскаго, Василя Тронина, священника Александра Попова, 65) Василя Казанцева, Николая Веселовскаго, Георгія Ристькова, Пантелеймона Жузе, Алексѣя Марсова, 70) Ѳеодора Никифорова, Михаила Руднева, Митрофана Попова, Дмитрія Волковскаго, Осипа Барилова, 75) Николая Семеновскаго, Кузьму Гаева, Владиміра Тимоеева, Панайота Мутавчіева, Василя Кириллова и вольнослушателей: священника Петра Бѣлтова, священника Ѳеодора Мальцева, Іеромонаха Михея, Іеромонаха Серапіона, Бориса Плескаго перевести въ слѣдующій курсъ. 2) Студентамъ іеродіакону Протасію и Михаилу Кынчеву дозволить подачу семестровыхъ сочиненій послѣ лѣтнихъ каникулъ, а о разрѣшеніи Іеродіакону Протасію сдавать экзамены по латинскому и еврейскому языкамъ послѣ каникулъ благопочтительнѣйше ходатайствовать предъ Его Преосвященствомъ.

На семь журналѣ резолюція Его Преосвященства: „1893 г. 15 Іюн. Утверждается“.

6 іюня 1893 г.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи, Архимандрита Антонія, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ Гри-

горій, члены Совѣта Академіи, кромѣ профессоровъ Н. Субботина и В. Ключевского, не присутствовавшихъ по домашнимъ обстоятельствамъ и профессора В. Кипарисова, не присутствовавшего по семейнымъ обстоятельствамъ.

Слушали: 1. Внесенные предсѣдателями комиссій, производившихъ испытанія студентовъ и вольнослушателей IV курса, списки съ отмѣтками балловъ по отвѣтамъ, даннымъ ими на годичныхъ испытаніяхъ, кандидатскимъ сочиненіямъ, писаннымъ ими на IV курсѣ, а также отвѣтамъ и сочиненіямъ ихъ за первые три курса. По разсмотрѣніи сихъ списковъ и составленіи списка за четыре года академическаго курса оказалось, что изъ 47 студентовъ и 2 вольнослушателей 19 имѣютъ въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ баллъ не менѣе $4\frac{1}{2}$; у 18 — средній баллъ не менѣе 4 и ни по одному предмету менѣе—3. Студенты: Петръ Борисоглѣбскій, Иванъ Орловскій, Николай Остроумовъ, Константинъ Субботинъ, Владиміръ Троицкій, Алексѣй Целебровскій, Николай Цыганковъ, священникъ Евгеній Мерцаловъ, Андрей Постниковъ, Константинъ Тороповъ и вольнослушатели: священникъ Алексѣй Смирновъ и Николай Берсенева не представили кандидатскихъ сочиненій; кромѣ того студентъ Н. Цыганковъ не держалъ испытаній по церковному праву и еврейскому языку, а студенты: Священникъ Е. Мерцаловъ, А. Постниковъ и К. Тороповъ не держали устныхъ испытаній ни по одному изъ предметовъ IV курса.

II. Отзывы преподавателей Академіи о кандидатскихъ сочиненіяхъ студентовъ IV курса:

Инспектора Академіи Архимандрита Григорія о сочиненіи студента священника *Сергія Бѣльскаго* на тему: „Нравственное ученіе св. Тихона Задонскаго“, (Опытъ систематическаго изложенія).

Работы на темы, подобныя указанной, могутъ быть признаваемы выполнѣ хорошими, если удовлетворяютъ двумъ главнымъ требованіямъ. Таковыя требованія суть: 1) полное, глубокое и обстоятельное знакомство съ тѣмъ матеріаломъ, который подлежитъ авторской обработкѣ (въ данномъ случаѣ такой матеріалъ суть творенія св. Тихона Задонскаго); 2) какъ необходимое слѣдствіе перваго требованія, построеніе такой именно системы, которая дѣйствительно присуща изучаемому авторомъ матеріалу; надо не выдумывать систему и подгонять подъ нее матеріалъ, а, наоборотъ, изъ матеріала строить систему. О. Сергій въ своемъ трудѣ не только съ избыткомъ удовлетворяетъ этимъ двумъ ука-

заннымъ требованіямъ, но обнаруживаетъ такія авторскія дарованія и заслуги, что его работа о нравственномъ ученіи св. Тихона Задонскаго должна считаться стоящей на высококомъ научномъ уровнѣ и заслуживающей очень большой похвалы.—Объ этомъ дальше и будетъ рѣчь.

„Изученіе о. Сергіемъ изслѣдуемаго имъ матеріала, т. е. твореній св. Тихона Задонскаго, таково, лучше котораго едва ли и можно желать. Изъ восьми кандидатскихъ сочиненій, писанныхъ мнѣ на темы, подобныя указанной, въ нынѣшнемъ академическомъ году, ни одно не можетъ соперничать съ сочиненіемъ о. Сергія, хотя между ними были весьма удовлетворительныя въ этомъ отношеніи работы. Авторомъ изучены творенія святителя Тихона такъ полно и обстоятельно, что, когда онъ излагаетъ систему нравоученія св. отца, то, видимо предъ его умственнымъ взоромъ были на лицо всѣ мысли нравоучителя: и крупныя и мелкія. У о. Сергія нѣтъ ни одного положенія въ строяемой системѣ, которое бы не скрѣплялось ссылкой. Этого мало: если къ ссылкѣ есть параллели, то обычно приводятся и онѣ и притомъ приводятся не двѣ, не три, а всѣ, сколько ихъ есть въ твореніяхъ святителя; если же какая либо мысль встрѣчается у св. отца только однажды, то подъ строкой всегда у автора дѣлается замѣчаніе, что эта де мысль встрѣчается только однажды.

„О. Сергій изучилъ не только то, что написалъ самъ Святитель Тихонъ, но и то, что написано о самомъ Святителѣ и его писаніяхъ. Вся существующая у насъ литература о семъ—была предъ глазами трудолюбиваго автора, хотя она и не очень маленькая. Авторъ знаетъ въ ней даже мелочи, прочтеніе которыхъ ничего ему не даетъ. И какъ онъ относится однако къ этимъ мелочамъ? Есть, напр., статья какого-то г. И. П. (Ставроп. Епарх. Вѣдом., 1887, №№ 6. 10. 11): *Нравственная жизнь человека по изображенію Святителя Тихона Задонскаго*. Про нее о Сергій пишетъ: „эта статья впрочемъ не даетъ читателю надлежащаго представленія о воззрѣніяхъ св. Тихона. Авторъ ея лишь *буквально* повторяетъ Преосв. Теофана (не цитую послѣдняго) и въ соотвѣтствіе высказаннымъ положеніямъ подбираетъ цитаты изъ Твореній св. Тихона Задонскаго (ср. Ставр. Е. В. стрр. 216. 217. 218. 220. 223. 224. 392. 393. и Начерт. хр. нрав. стрр. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 64. 65)“. И такихъ мелочей не одна.

Планъ о. Сергія, по которому располагаетъ онъ нравоучитель-

ную систему Святителя Тихона, отличающійся удивительною тщательностію внѣшняго расположенія, вполнѣ соотвѣтствуетъ самому міровоззрѣнію Святителя. — Вкратцѣ онъ таковъ. *Глава первая* говоритъ о христіанскомъ идеалѣ. Но это не есть разрозненное, частичное описаніе только заповѣдей Закона Божія и христіанскихъ обязанностей; а это есть начертаніе цѣльнаго и полнаго христіанскаго нравственнаго міровоззрѣнія. *Глава вторая* имѣетъ дѣло съ христіанской психологіей и описываетъ состояніе чело-вѣческой природы до паденія, послѣ паденія и по возрожденіи въ христіанствѣ. *Глава третья* посвящена раскрытію христіанской аскетики. Здѣсь идетъ рѣчь о томъ, какъ совершается самое усвоеніе чело-вѣкомъ христіанской божественной жизни, какъ ведется эта безостановочная брань плоти и духа, божественнаго и мірскаго міровоззрѣній. — Планъ этотъ такъ стройно изложенъ и выдержанъ, что сочиненіе производитъ впечатлѣніе цѣлаго полнаго курса христіанскаго нравоученія.

Особенное достоинство изложенія самой системы — въ томъ, что оно сплошь ведется собственными словами самого Святителя. Посему тетрадка автора припещрена вносными знаками. Даже и переходы отъ одной мысли къ другой и тѣ изъ собственныхъ святительскихъ словъ. Въ этомъ изложеніи автора совсѣмъ не примѣтно. Впечатлѣніе посему получается положительно художественное.

„Въ началѣ каждой главы авторъ прилагаетъ подробный конспектъ ея содержанія, который составленъ весьма тщательно. Сіе весьма похвально.

„Такъ какъ авторъ ведетъ изложеніе нравоучительной системы выдержками, то посему языкъ изложенія — краткій, отрывочный, но церковно-величавый. Гдѣ авторъ говоритъ отъ себя (введеніе), тамъ слышится голосъ послушнаго ученика Святителя.

„Авторъ относится съ чувствомъ великаго благоговѣнія къ Святителю. Видимо, что онъ переселилъ его ученіе съ книжныхъ страницъ въ свое сердце. Его перо начинаетъ быть безпокойнымъ, когда ему приходится имъ отмѣчать чье либо неуваженіе къ Святителю. Приведа, напр., выдержку изъ „курса Нравственнаго Богословія“ А. Покровскаго (Самара. 1891): „изъ сочиненій ученыхъ отцовъ XVIII в. достойны изученія *творенія* св. Тихона Задонскаго, подъ названіемъ *Сокровище духовное*“, о. Сергій подъ строкою пишетъ: „мы не совсѣмъ понимаемъ эти послѣднія слова: неужели *православному русскому* (курсивъ вездѣ о. Сергія) мора-

листу не извѣстно никакихъ другихъ „твореній“ *отечественнаго* правоучителя, кромѣ „*Сокровища духовнаго!*“

„Зная горячую любовь автора къ избранному имъ предмету изученія и его ученое трудолюбіе, я думаю и желаю, чтобы онъ снова возвратился къ занятіямъ надъ этою своею диссертациею. Есть въ ней кое какіе недостатки (о которыхъ мною сдѣланы замѣчанія въ самой тетрадкѣ); ихъ нужно устранить. При хорошемъ знакомствѣ автора съ литературой предмета, ему легко будетъ внести кое что и новое; хорошо сдѣлать характеристику нравственной личности Святителя Тихона, общій обзоръ всѣхъ твореній его съ указаніемъ ихъ общаго характера, содержанія и метода раскрытія въ нихъ нравственныхъ истинъ; не лишнее имѣть автору нарочитое обслѣдованіе вопроса объ отношеніи св. Тихона къ Іоанну Арндту. — Но сіи замѣчанія касаются не настоящей, а будущей работы о. Сергія.

„Настоящая же работа о. Сергія вполнѣ достойна и кандидатской степени и особенной похвалы“.

Ординарнаго профессора Евгенія Голубинскаго о сочиненіи студента *Александра Васильева* на тему: „Дѣятельность князя Андрея Боголюбскаго въ пользу церковнаго и церковно-административнаго возвышенія города Владимира Кляземскаго“.

„Сочиненіе г. Васильева состоитъ изъ пяти главъ. Въ первой, вступительной, главѣ авторъ дѣлаетъ характеристику Андрея Боголюбскаго и говоритъ объ его замыслѣ основать на сѣверѣ Русской земли новое и на новыхъ государственныхъ началахъ великое княжество. Во второй главѣ авторъ говоритъ объ украшеніи Боголюбскимъ города Владимира гражданскими и церковными постройками соотвѣтственно его новому назначенію быть столицей великаго княжества. Въ третьей и четвертой главахъ авторъ излагаетъ и разбираетъ исторію неудавшейся попытки Боголюбскаго основать во Владимирѣ особую отъ Кіева и вторую въ Россіи митрополію. Въ пятой главѣ (не оконченной) авторъ говоритъ о попыткѣ Боголюбскаго доставить автокефалію или независимость отъ Кіевского митрополита своему Ростовско-Владимирскому епископу“.

„Сочиненіе г. Васильева представляетъ собою довольно легкую компиляцію. Можно было бы признать компиляцію удовлетвориительною, если бы авторъ не повторялъ за однимъ ученымъ весьма неосновательнаго мнѣнія, будто архіепископъ Новгородскій Нифонтъ искалъ стать подъ покровительство епископа Ростовскаго Нестора, и если бы не высказывалъ собственнаго несостоятельнаго

мнѣнія о канонахъ церковныхъ, будто они подлежатъ измѣненію соответственно требованіямъ и обстоятельствамъ времени. Впрочемъ, нахожу, что и съ сейчасъ указанными недостатками сочиненіе даетъ г. Васильеву право на полученіе степени кандидата“.

И. д. доцента Павла Соколова о сочиненіи студента *Николая Виноградова* на тему: „Современныя біологическія теоріи и Библейское ученіе о жизни“.

„Сочиненіе г. Виноградова состоитъ изъ пяти главъ. Въ первой, вступительной главѣ (1—42 стр.) авторъ опредѣляетъ понятіе жизни и дѣлаетъ общія замѣчанія о существующихъ біологическихъ теоріяхъ. Во второй, третьей и четвертой главахъ (42—560) онъ подробно разсматриваетъ механическую теорію, старый витализмъ въ двухъ главныхъ его направленіяхъ (анимизмъ и дуодинамизмъ) и такъ называемый неовитализмъ (новѣйшія біологическія доктрины Бунге, Прейера и Дельбѣфа). Пятая глава (585—668) посвящена раскрытію Библейскаго ученія о жизни. Изложеніе каждой біологической теоріи сопровождается краткими критическими замѣчаніями, изъ которыхъ авторъ дѣлаетъ общій заключительный выводъ (561—584). Отмѣчая недостатки и крайности во всѣхъ современныхъ теоріяхъ безъ исключенія, авторъ въ общемъ склоняется въ пользу механизма и для этого именно воззрѣнія ищетъ оправданія въ Библии.

„Г. Виноградову пришлось работать въ области гипотезъ и фактовъ, мало знакомыхъ богослову, и имѣть дѣло съ обширнымъ матеріаломъ, въ которомъ не легко разобраться. И тѣмъ не менѣе онъ выполнилъ свою задачу весьма удовлетворительно, — настолько удовлетворительно, насколько вообще можно ожидать этого отъ неспеціалиста. Я не могу сказать, чтобы его сочиненіе было безупречно въ подробностяхъ; но въ общемъ онъ хорошо овладѣлъ своимъ предметомъ и разработалъ его съ большимъ умѣньемъ и съ большимъ пониманіемъ дѣла. Его свѣдѣнія почти всегда точны и почерпнуты изъ хорошихъ источниковъ; его изложеніе просто, послѣдовательно и систематично; его критическія замѣчанія дѣльны и основательны. Видны добросовѣстный трудъ, ясная мысль, умѣнье распоряжаться фактами, научное отношеніе къ дѣлу и критическій тактъ. Автору вполне удалось избѣжать тѣхъ полемическихъ увлеченій и того слишкомъ легкаго отношенія къ естественно-научнымъ проблеммамъ, которыя составляютъ главную опасность и главный недостатокъ подобныхъ научно-апологетическихъ трудовъ. Онъ не дѣлаетъ естествоиспытателямъ уступокъ

тамъ, гдѣ это невозможно и не нужно, но и не объявляетъ имъ бесплодной войны тамъ, гдѣ она была бы несправедлива и безцѣльна. Всюду онъ имѣетъ въ виду только дѣло и пишетъ безъ отступлений, безъ фразъ и безъ болтовни. Лучшую часть сочиненія составляетъ вторая глава, посвященная изложенію и разбору механизма, — самая трудная по своей задачѣ и самая обширная по своему объему. Значительно слабѣе третья и четвертая главы, надъ которыми авторъ видимо менѣе поработалъ, чѣмъ надъ предыдущей. Изложеніе Библейскаго ученія о жизни сдѣлано по подлиннику и написано совершенно самостоятельно. Попытка изъяснить это ученіе въ смыслъ механической теоріи несовсѣмъ обычна, но авторъ доказываетъ свой взглядъ довольно убѣдительно, на основаніи анализа многихъ мѣстъ Ветхаго и Новаго Заветъа.

„Главный недостатокъ сочиненія состоитъ въ томъ, что оно въ значительной степени имѣетъ компилятивный характеръ: въ немъ много сырого, непереработаннаго матеріала, много ненужныхъ буквальныхъ выписокъ. Этотъ недостатокъ, безъ сомнѣнія, сильно понижаетъ качества труда, но въ данномъ случаѣ я не считаю себя въ правѣ ставить его автору въ особенную вину. Нѣтъ возможности требовать вполне самостоятельной работы въ вопросахъ физиологіи и физиологической химіи отъ студента, не получившаго спеціальной естественно-научной подготовки и приходится видѣть немаловажную заслугу уже въ томъ, что авторъ сумѣлъ толково воспользоваться собраннымъ матеріаломъ, систематично изложить его и дѣльно оцѣнить. Другіе недостатки менѣе важны и въ большинствѣ случаевъ опять такого свойства, что устраненія ихъ можно было бы не столько требовать, сколько желать. Они касаются частію плана работы, частію нѣкоторыхъ сторонъ содержанія. Планъ сочиненія былъ бы проще и естественнѣе, если бы авторъ изложилъ современныя біологическія теоріи не по логической схемѣ, а по ихъ исторической и генетической связи, т. е. сначала разсмотрѣлъ бы старый витализмъ, затѣмъ механизмъ и, наконецъ, неовитализмъ (который, какъ справедливо замѣчаетъ самъ авторъ, даже принципиально болѣе близокъ къ механизму, чѣмъ къ старому витализму). вмѣстѣ съ тѣмъ ему слѣдовало бы объединить свои критическія замѣчанія въ видѣ особой главы и развить ихъ нѣсколько подробнѣе и полнѣе. Указывая на существенное различіе біологическихъ и психическихъ явленій, авторъ напрасно опускаетъ изъ виду ихъ несомнѣнную связь. Между этими явленіями нѣтъ *причинной зависимости*, но существуетъ *взаимо-*

d'être, и фактъ этого взаимодѣйствія онъ долженъ былъ имѣть въ виду какъ при критикѣ біологическихъ теорій, такъ и при установкѣ своего собственнаго взгляда. Можно пожалѣть, что авторъ не развилъ отчасти намѣченную имъ идею сохраненія біологическихъ формъ, которая при надлежащей разработкѣ могла бы быть формулирована въ видѣ закона, объясняющаго морфологическія явленія. Изложеніе Библейскаго ученія о жизни слѣдовало дополнить анализомъ нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ Библии, особенно тѣхъ, гдѣ что нибудь говорится о жизни растений, и снабдить болѣе обильными ссылками на творенія Святыхъ Отцевъ и на новѣйшую экзегетическую литературу. По мѣстамъ въ сочиненіи замѣчаются неизбѣжные пропуски, случайныя противорѣчія, повторенія, вѣточныя переводы и стилистическіе недостатки; но эти промахи встрѣчаются не часто и при томъ не касаются существа дѣла.

„Признавая сочиненіе г. Виноградова вполне достойнымъ кандидатской степени, я совѣтую автору продолжать свою работу, если онъ найдетъ для этого возможность и средства. Всѣ необходимыя и желательныя поправки я отмѣтилъ въ самомъ сочиненіи, и ему остается только воспользоваться этими указаніями и не пожалѣть труда“.

Доцента Александра Шостына о сочиненіи студента *Михаила Владыкина* на тему: „Епископъ Орлеанскій Дюпанлу и его сочиненіе: de l'éducation“.

„Сочиненіе г. Владыкина написано по самому простому и неширокому плану: во введеніи (стр. 1—28) характеризуется личность Дюпанлу какъ воспитателя, вложившаго всю свою душу и силы въ педагогическое дѣло; затѣмъ, въ главной части изслѣдованія (стр. 29—286) изложено содержаніе трех-томнаго сочиненія „de l'éducation“; наконецъ, въ заключительномъ отдѣлѣ (286—317 стр.) высказаны критическія замѣчанія о педагогическихъ воззрѣніяхъ Дюпанлу.“

„Эти воззрѣнія Орлеанскаго епископа изучены нашимъ авторомъ весьма внимательно и, за немногими исключеніями, изложены вполне правильно и точно. Но нельзя не пожалѣть, что г. Владыкинъ не сопоставилъ ихъ съ иными педагогическими воззрѣніями, господствующими въ католическомъ мірѣ. Разумѣю воззрѣнія іезуитскаго ордена. При такомъ сопоставленіи лучше выяснилось бы значеніе Дюпанлу какъ педагога. Это во первыхъ. А во вторыхъ, слѣдовало бы нашему автору собрать поболѣ историко-педаго-

гическихъ свѣдѣній. Тогда онъ могъ бы указать съ болѣею опредѣленною, подъ чьимъ вліяніемъ по преимуществу находился епископъ Дюпанлу. Теперь же критическія замѣчанія у него почти всѣ сводятся къ самымъ общимъ, хотя и вѣрнымъ фразамъ, изъ которыхъ мы узнаемъ, что воззрѣнія Дюпанлу не были оригинальны, что они всецѣло проникнуты духомъ христіанства, что при своей разумности и практической цѣлесообразности они свидѣлствуютъ о томъ глубокомъ пониманіи дѣтской души и о той немалой опытности, какими отличался педагогъ Дюпанлу. Но и только... Впрочемъ, болѣе широкой постановки своего изслѣдованія г. Владыкинъ могъ опасаться по недостаточности времени, такъ какъ и самое изученіе указаннаго сочиненія Дюпанлу потребовало отъ него — при полной добросовѣстности—немалого труда и времени.

„Нахожу возможнымъ признать трудъ его и въ настоящемъ видѣ совершенно достаточнымъ для степени кандидата богословія“.

Доцента Митрофана Муретова о сочиненіи студента *Василія Воздвиженскаго* на тему: „Ученіе св. Ап. Павла о Церкви какъ тѣлѣ Господнемъ“.

„Это небольшое разсужденіе (146 стр.) имѣетъ три части: въ первой (1—41 стр.) авторъ старается показать связь ученія Ап. Павла о Церкви какъ тѣлѣ Господнемъ съ явленіемъ Господа Апостолу на пути его въ Дамаскъ, раскрываетъ возможность и значеніе этого ученія въ общей системѣ ученія Апостола Павла и доказываетъ, что названіе Церкви тѣломъ Господнимъ имѣетъ собственное, а не метафизическое значеніе; во второй (43—126 стр.) авторъ раскрываетъ ученіе Апостола: о Христѣ, какъ главѣ Церкви, изъ аналогіи съ обыкновенными организмами и изъ общихъ воззрѣній Апостола на планы божественнаго домостроительства, — о членахъ тѣла Господня или Церкви, доказывая принадлежность къ живому организму церковному какъ живыхъ вѣрующихъ христіанъ, такъ и умершихъ, не только повозавѣтныхъ, но и ветхозавѣтныхъ праведниковъ,—о единствѣ Церкви какъ тѣла Господня, основывающемся на единствѣ главы ея и единеніи ея членовъ,—о святости церкви и ея непогрѣшимости,—о многообразіи отпращиваній членовъ церковнаго организма,—о развитіи церкви какъ тѣла Христова, понимая это развитіе какъ внесеніе въ жизнь церковную или какъ осуществленіе каждымъ истинно вѣрующимъ членомъ церкви какой-либо особой и лично—индивидуальной черты общаго и идеальнаго типа церкви, какъ тѣла Христова;—часть третья (127—146) конспективно раскрываетъ, что условіемъ для

того, чтобы стать истиннымъ членомъ тѣла Христова, служить любовь, какъ основная сила вѣры и добродѣтели.

„Недостатки сочиненія: 1) автору необходимо было начать свое разсужденіе всестороннимъ и возможно подробнымъ раскрытіемъ тѣхъ ближайшихъ представленій, какія соединяются съ терминомъ „тѣло“ въ посланіяхъ Ап. Павла во всемъ Новомъ Завѣтѣ, вообще на библейскомъ и современномъ Апостолу еврейскомъ и греческомъ языкахъ,—между тѣмъ авторъ беретъ терминъ въ готовомъ, теперешнемъ его значеніи и тѣмъ сообщаетъ всему разсужденію своему апріорный характеръ; 2) постоянно вращаясь въ общихъ разсужденіяхъ, отрѣшенно отъ текста посланій, авторъ пользуется изреченіями Апостола *догматически*, а не *экзегетически*, т. е. къ общимъ положеніямъ и отвлеченнымъ разсужденіямъ своимъ онъ просто только подставляетъ тексты изъ Апостольскихъ посланій, безъ экзегетическаго ихъ изслѣдованія въ контекстѣ и въ связи съ духомъ всего посланія, или даннаго отдѣла его, или даже всего вообще ученія Апостола.

„Къ достоинствамъ сочиненія надо отнести: 1) способность автора къ самостоятельному богословскому мышленію; 2) стройность и продуманность общаго плана разсужденія; 3) обработанность изложенія, его ясность и особенно—его краткость.

„Принимая во вниманіе трудность темы, требующей не только широкой экзегетической подготовки, но и способности къ самостоятельному богословско-философскому мышленію полагаю возможнымъ признать сочиненіе г. Воздвиженскаго удовлетворительнымъ для кандидатской степени“.

Ординарнаго профессора Евгенія Голубинскаго о сочиненіи студента *Василія Воскресенскаго* на тему: „О житіяхъ преп. Сергія Радонежскаго“.

„Авторъ подвергаетъ своему разбору пять житій преп. Сергія: Епифаніево, два Пахоміевыхъ, проложное и лѣтописное или помѣщенное въ лѣтописяхъ. Въ разборѣ автора нѣтъ ничего новаго; но все старое или извѣстное сведено имъ старательно, такъ что въ качествѣ такового свода сочиненіе имѣетъ свои достоинства. При этомъ и о литературной сторонѣ сочиненія должно быть сказано, что сравнительнымъ образомъ она удовлетворительна. Нахожу, что авторъ заслуживаетъ быть удостоеннымъ степени кандидата“.

Инспектора Академіи Архимандрита Григорія о сочиненіи сту-

дента *Сергія Глаголевскаго* на тему: „Система христіанскаго правоученія по Четимъ-Минеймъ св. Димитрія Ростовскаго“.

„Кто хорошо знакомъ съ громадными томами Четимъ-Миней св. Димитрія Ростовскаго, тотъ сразу представитъ себѣ всю трудность работы, которая ожидаетъ автора, взявшагося за указанную тему.

„Въ этихъ Четимъ-Минейныхъ томахъ ученіе о различныхъ предметахъ христіанской нравственности является безъ всякой связи разбросаннымъ по различнымъ житіямъ, такъ что одно житіе служить выраженіемъ одной нравственной истины, другое—другой и т. д. Кромѣ того, работающему надъ Четимъ-Минейми приходится имѣть дѣло не съ теоретическимъ изложеніемъ и раскрытіемъ тѣхъ или другихъ сужденій по различнымъ вопросамъ христіанскаго правоученія, но съ отдѣльными единичными фактами, или примѣрами изъ нравственной области христіанской жизни. Поэтому автору приходится не только систематизировать нравственные сужденія Четимъ-Миней, но и отыскивать ихъ вскрывая самыя факты и примѣры въ житіяхъ. — Наконецъ, хотя о Четимъ-Минейхъ у насъ кое-что и написано; однако авторъ разсматриваемой работы мало можетъ найти въ этой литературѣ указаній, касающихся изучаемой имъ стороны житій. Онъ долженъ прокладывать себѣ дорогу самъ, безъ посторонней помощи.

„По г. Глаголевскій сумѣлъ справиться совѣсти этими трудностями настолько, что его работа оставляетъ въ читателѣ чувство большаго удовольствія.—Послѣ краткаго, но обстоятельнаго, введенія авторъ въ I-й главѣ дѣлаетъ общій обзоръ фактической стороны того матеріала по вопросу о христіанской нравственности, какой находится въ Четимъ-Минейхъ. Всѣ образцы добродѣтельной жизни онъ дѣлитъ на три класса: мученики, учителя и дѣвственники. Глава II-я посвящена мастерски составленному описанію того идеала христіанской жизни, который присущъ Ч. М. Глава III-я описываетъ наличность человѣческой (до паденія, до искупленія, по искупленіи) природы, которая служитъ почвой, усвоющей идеаль. Главы: IV-я и V-я трактуютъ о самой христіанской жизни, о процессѣ усвоенія божественной жизни человѣкомъ: объ обращеніи грѣшника, о возрожденіи, о средствахъ къ сохраненію въ душѣ благодати возрожденія, о борьбѣ со страстями и, наконецъ, о высшей степени духовнаго совершенства. Этимъ бы можно было и закончить автору свой трудъ, но онъ по похвальному стремленію къ полнотѣ и научной обстоятельности взялъ еще на

себя не легкій трудъ сравненія христіанскаго правоученія Ч. М. съ нравственнымъ ученіемъ св. Димитрія по его проповѣдямъ (2 и 3 ч.ч. сочиненій св. Димитрія Ростовскаго) и съ другими русскими системами Нравственнаго Богословія.

„И планъ и выполненіе его во всѣхъ отношеніяхъ хороши. Особенно хорошее впечатлѣніе производитъ самый методъ работы: авторъ не ищетъ для своей тетради всѣхъ фактовъ изъ Ч. М., не собираетъ ихъ дома, а на свои листы выноситъ лишь одни обобщенія.—Можно пожелать кое-гдѣ большей краткости изложенія, тщательности, цитаціи и точности выраженія.—Авторъ почему то Пр. Филарета Черниговскаго, какъ автора исторіи русской церкви, много разъ именуетъ Митрополитомъ.

„Въ общемъ сочиненіе достойно кандидатской степени и иарочитой похвалы“.

Доцента Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Ильи Громова* на тему: „Слѣдуетъ-ли совершать священнодѣйствіе брака надъ лицами, обращающимися изъ раскола и жившими до обращенія въ супружествѣ? (Опытъ рѣшенія вопроса на основаніи догматико-каноническаго ученія православной церкви о существѣ христіанскаго брака и формѣ его совершенія)“.

Названное сочиненіе начинается обширнымъ (1—124) введеніемъ (авторъ называетъ его 1-ою вступительною главою), представляющимъ собою цѣлый трактатъ приблизительно такого содержанія: при кажущейся незначительности вопроса, составляющаго специальную задачу сочиненія, онъ въ дѣйствительности—*одинъ изъ самыхъ важныхъ и трудныхъ вопросовъ* нашего церковнаго права и при томъ имѣющій современный жизненный интересъ. Потребности жизни и вызвали попытку къ разрѣшенію его. Но три опыта рѣшенія его, данныя въ Братскомъ Словѣ и Церковномъ Вѣстникѣ доказали съ очевидностію, что этотъ вопросъ настолько труденъ и сложенъ, что обстоятельное и вполнѣ удовлетворительное рѣшеніе его должно стать не предметомъ журнальной статьи,—а капитальнаго научнаго изслѣдованія. Обстоятельный разборъ сихъ опытовъ и составляетъ главное содержаніе введенія. Этимъ разборомъ авторъ выяснилъ, что прежде чѣмъ отваживаться на категорическое рѣшеніе даннаго вопроса необходимо войти въ ближайшес и тщательное изслѣдованіе чисто догматическаго ученія православной церкви о существѣ христіанскаго брака именно по отношенію къ вопросу о совершителѣ и формѣ совершенія брака. Отправляясь за тѣмъ отъ принциповъ православной догматики

къ опредѣленіямъ положительнаго права, авторъ встрѣчаетъ двѣ формы заключенія брака: древнеримскую, державшуюся и въ церкви до IX в. и строго церковную, получившую господство въ IX в., которыя точно-также должно изучать въ ихъ отношеніи къ существу христіанскаго брака и его сакраментальному достоинству и силѣ. Эти отдѣленія (II, III и IV) и должны составить твердый базисъ для заключительныхъ построений. При такой постановкѣ дѣла рѣшеніе вопроса темы будетъ уже не болѣе, какъ прямымъ логическимъ выводомъ изъ посылокъ, установленныхъ въ предыдущихъ трехъ отдѣленіяхъ.

„Какъ видно отсюда, постановка изслѣдованія или методъ рѣшенія вопроса, точка зрѣнія и планъ подлежащихъ автору работъ—не оставляютъ желать лучшаго. Насколько же авторъ осуществилъ задачу?

Въ началѣ главы 2-й, имѣющей своимъ предметомъ раскрытіе христіанскаго понятія о существѣ брачнаго союза авторъ дѣлаетъ слѣдующую оговорку: въ виду особенныхъ трудностей, какія представляетъ изслѣдованіе догматической стороны таинства брака... настоящий отдѣлъ не могъ быть своевременно разработанъ нами вполне и доведенъ до желаемаго совершенства: здѣсь онъ представляется въ конспективномъ очеркѣ“. И дѣйствительно вся такъ называемая 2-я глава представляетъ собою весьма обширный конспектъ (стр. 125—160) т. е. излагаетъ послѣдовательный ходъ мыслей автора, логическое отношеніе между ними—переходъ отъ тезиса къ тезису и точное указаніе *литературы* для каждаго изъ главныхъ тезисовъ. По конспекту, конечно, нельзя судить о достоинствахъ имъ предполагаемаго сочиненія: но можно видѣть методъ автора, отношеніе къ своей задачѣ и выводы, которые въ его умопредставленіи предполагаются какъ достаточно обоснованные. Что касается перваго и втораго, то остается только пожелать, чтобы Богъ помогъ автору довести свои предначертанія до желаемаго имъ совершенства: такъ они серьезны и важны! Что же касается окончательныхъ его выводовъ: то они не гарантированы отъ возраженій и можетъ быть указаніе ихъ недостатка послужить для автора въ дальнѣйшихъ его работахъ значительнымъ облегченіемъ. Окончательный выводъ автора такой: „въ собственномъ смыслѣ слова совершитель (*causa efficiens*) таинства брака, какъ союза благодатнаго, есть Богъ (еже Богъ сочетает...), какъ Онъ-же совершитель и всѣхъ другихъ таинствъ... а въ собственномъ смыслѣ (*causa ministerialis*)—тотъ, кто создаетъ

необходимыя условія дѣйствія таинственной благодати (матерію и форму таинства), т. е. сами брачущіеся, создающіе естественный союзъ, составляющій матерію таинства и *преобразующійся дѣйствіемъ благодати* въ союзъ благодатный, въ таинство“. Такъ относительно совершителей таинства; что же касается *формы* совершенія, то авторъ выставляетъ въ качествѣ окончательнаго вывода слѣдующія положенія: „по своему внутреннему значенію она должна указывать *существенный* характеръ устанавливаемаго брака и быть его реальнымъ началомъ. Выводъ: формою таинства брака можетъ быть только актъ, дающій начало браку, какъ союзу во Христа и во Церковь, т. е. *изъявленіе воли брачующихся* вступить въ таковой союзъ“. (Значитъ между *совершителями* и *формою* совершенія таинства почти нѣтъ различія?) Но со стороны Церкви должно быть признаніе заключаемаго союза: это признаніе авторъ выставляетъ какъ „необходимое условіе истинно-христіанскаго характера брака. Но въ чемъ состоитъ это признаніе? Авторъ отвѣчаетъ: это признаніе есть актъ не *potestas ordinis*, а лишь *potestas jurisdictionis*, отсюда вытекаетъ и возможность выраженія церковнаго признанія брака *tactio modo*, т. е. не въ опредѣленномъ какомъ либо актѣ, повторяющемся безусловно обязательно на каждый отдѣльный случай“ (стр. 158—160).

„Противъ такого богословствованія умѣстно слѣдующіе возраженія: во 1-хъ если совершитель таинства Богъ и брачущіеся, и если форма должна выражать существенный характеръ таинства: то какъ же для формы такого таинства достаточно одного изъявленія согласія лишь брачующихся? Здѣсь необходимо виѣшній знакъ благословенія Божія—что обыкновенно и выражается благословеніемъ священника, дѣйствующаго во имя Бога. Во 2-хъ, если изъявленіе согласія брачующихся, послѣдовавшаго до церковнаго признанія есть актъ самъ по себѣ довлѣющій въ качествѣ бракозаключительной формы: то къ чему же еще церковное признаніе только въ качествѣ акта *юридическаго*? Оно совершенно излишне: *юридическое* признаніе брака и возможно, и въ дѣйствительности долгое время (какъ это доказываетъ авторъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ), совершалось *гражданскимъ* порядкомъ и ни государство, ни церковь не находили недостаточнымъ такого признанія.

„Въ главѣ 3-й (161—406) авторъ ставитъ свою задачу „представить историческое подтвержденіе выводовъ (предшествовавшей главы) путемъ обзорѣнія и анализа данныхъ положительнаго законодательства, указывающихъ, что церковное благословеніе христіан-

скаго брака не было *обязательною* формою его заключенія въ теченіи весьма продолжительнаго періода историческаго существованія церкви“. Какъ можно видѣть отсюда, весь этотъ отдѣлъ—характера *историко-юридическаго*: авторъ дѣлаетъ обзоръи памятниковъ византійскаго гражданскаго и каноническаго права, имѣющихъ предметомъ опредѣленіе формы заключенія брака. Основная идея, проникающая этотъ отдѣлъ, выражена въ слѣдующихъ двухъ формулахъ: *Nuptias consensus facit* и *Ecclesia vivit lege romana*. Массою канонико-юридическаго матеріала авторъ доказываетъ, что церковь много столѣтій и послѣ Константина Великаго признавала гражданскій бракъ, заключаемый чрезъ общепринятую форму свободнаго соглашенія брачующихся (*consensus*) таинствомъ и почитало свое благословеніе онаго необходимо для сего обязательнымъ. Мало того: для вторыхъ и третьихъ браковъ церковь прямо даже воспрещала церковное благословеніе, не отнимая въ тоже время у сихъ браковъ изъ сакраментальнаго характера. Какъ общій выводъ изъ представленнаго имъ историко-каноническаго обзоръи авторъ высказываетъ слѣдующее положеніе: „церковь не связывала сакраментальной силы брака съ формой церковнаго священнословія и не отказывала въ сакраментальномъ достоинствѣ бракамъ, заключеннымъ чрезъ *consensus*, въ какой бы формѣ ни былъ послѣдній заключенъ“ (стр. 406).

„До сихъ поръ авторъ занимался преимущественно отрицательною стороною своей задачи: онъ старался показать и доказать, что церковно-литургическій актъ благословенія не составляетъ необходимаго условія для сакраментальной силы и значенія брачнаго союза христіанъ. Но какъ же въ такомъ случаѣ нужно смотрѣть на этотъ актъ? Чѣмъ онъ былъ вызванъ къ бытію и каково его дѣйствительное значеніе? Разъясненіе этихъ вопросовъ авторъ и даетъ въ IV отдѣленіи (главѣ) сочиненія подъ заглавіемъ: церковная форма бракозаключенія и ея отношеніе къ существу христіанскаго брака, какъ таинства“.

„Хотя церковная форма бракозаключенія и не вытекаетъ—разсуждаетъ авторъ—какъ логически-необходимый постулатъ изъ догматической идеи христіанскаго брака, однакоже въ своемъ возникновеніи и развитіи стоитъ въ нѣкоторой зависимости отъ этой идеи, а также отъ нѣкоторыхъ историческихъ условій, свойственныхъ жизни древнехристіанской церкви. Если у всѣхъ до-и внѣ-христіанскихъ народовъ бракъ, въ силу его неизмѣримо важнаго значенія въ частной и общественной жизни, освѣщался рели-

гіозными актами, то тѣмъ болѣе это должно было имѣть мѣсто въ христіанствѣ, гдѣ естественный союзъ брака былъ возвыщенъ до степени союза благодатнаго—таинства. Религіозный актъ разумѣется не только не противорѣчитъ идеѣ внутренняго благодатнаго освященія, но весьма удобно могъ стать *внѣшнимъ знакомъ* послѣдняго (какъ это мы и видимъ въ настоящее время), хотя бы между тѣмъ и другимъ и не было необходимаго соотношенія.—Въ ряду историческихъ условій, вліявшихъ на развитие церковной формы бракозаключенія авторъ отмѣчаетъ прежде всего составъ древне-христіанскаго общества, созидавагося изъ лицъ новообращенныхъ, сжившихся до обращенія съ извѣстными воззрѣніями на бракъ и семейную жизнь и естественно не имѣвшихъ возможности сразу отрѣшиться отъ этихъ привычныхъ воззрѣній. Между тѣмъ хорошо извѣстно, какъ сильно понятіе тогдашняго, напр. римскаго общества, о брачномъ союзѣ расходилось съ христіанскими понятіями о томъ-же. Отсюда естественно со стороны церкви желаніе и стремленіе—взять дѣла о бракахъ и семейной жизни христіанъ всецѣло подъ свою *юрисдикцію* (!) и требовать, чтобы браки заключались не иначе, какъ съ вѣдома и предварительнаго согласія церковныхъ представителей. При томъ значеніи, какое въ глазахъ древнихъ христіанъ имѣли актъ священническаго благословенія и общественныя молитвы, было вполне естественно, что церковное признаніе и одобреніе заключаемаго христіаниномъ брака поставлено было въ тѣсную связь именно съ этими обнаруженіями религіозной жизни христіанскаго общества, — какъ это и было на самомъ дѣлѣ.—Наконецъ не маловажное значеніе въ этомъ случаѣ должно было имѣть въ болѣе позднее сравнительно время стремленіе представителей богословской мысли развить ученіе о *внѣшней сторонѣ таинства* брака *по аналогіи* съ другими таинствами. Всѣ указанная обстоятельства, по мнѣнію автора, вполне объясняютъ возникновеніе церковной формы бракозаключенія какъ дѣло исторической необходимости, а не какъ постулатъ догматической идеи, какъ естественный плодъ историческихъ условій, которому лишь впослѣдствіи, по недоразумѣнію было усвоено догматическое значеніе. Доказательства справедливости своего воззрѣнія авторъ находитъ и въ исторіи развитія литургической стороны таинства брака. „Нельзя—говоритъ онъ—считать догматически-существеннымъ и безусловно-необходимымъ то, что въ одно время не существовало, а потомъ стало существовать, равно какъ и то, что первоначально было такъ, а потомъ стало иначе“. Между тѣмъ

такъ именно и было съ церковнымъ чиномъ бракозаключенія, который явился плодомъ довольно длиннаго процесса литургической дѣятельности Церкви, при чемъ первоначально имѣлъ совѣтъ иной характеръ, и тѣ моменты, кѣторымъ въ настоящее время усвоится важнѣйшее, совершительное значеніе, явились чуть-ли не послѣ всѣхъ другихъ, слѣдовательно, въ дѣйствительности не могутъ быть признаны догматически-необходимыми. Для раскрытія и фактическаго подтвержденія этой мысли авторъ представляетъ очеркъ исторіи церковныхъ чиновъ обрученія и вѣнчанія въ ея основныхъ чертахъ и важнѣйшихъ моментахъ.

„Въ „Заключеніи“, слѣдующемъ за 4-мъ отдѣленіемъ, авторъ подводитъ итоги своему изслѣдованію и даетъ окончательный выводъ по отношенію къ спеціальному вопросу темы о перевѣнчиваніи раскольническихъ браковъ. Совокупность догматико-каноническихъ основоположеній, раскрытыхъ въ отдѣлѣ II, III и IV, приводитъ его къ заключенію, что перевѣнчиваніе обращающихся къ православной церкви изъ раскола супруговъ не составляетъ догматической необходимости и потому не должно быть требуемо, какъ безусловно необходимое.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе сочиненія. Оно производитъ весьма пріятное впечатлѣніе своимъ разнообразіемъ и научною основательностію. Авторъ представилъ всесторонне освѣщеніе избраннаго имъ предмета: догматическое, каноническое, юридическое и литургическое. Частное указаніе обширной литературы, русской и иностранной, цитація подлинныхъ мѣстъ первоисточниковъ заставляеть невольно съ уваженіемъ относиться къ сужденіямъ, соображеніямъ, построеніямъ автора, въ которомъ чувствуется уже навывкшій къ ученой дѣятельности писатель.

„Весьма пріятное впечатлѣніе производитъ въ сочиненіи привычный автору методъ или лучше сказать,—особая довольно характерная манера разсматривать каждый предметъ со всею обстоятельностью. Каждый изъ отдѣловъ его сочиненія представляетъ собою законченное цѣлое, какъ бы отдѣльную монографію: авторъ любитъ всегда начинать издалека и лишь постепенно подходитъ къ центральному т. е. важнѣйшему пункту каждаго отдѣла. Для непривычнаго читателя эта манера на первый взглядъ дѣйствуетъ даже непріятно: недоумѣваніе въ началѣ чтенія — къ чему эти неизбѣжныя „предварительныя“ или „вступительныя“ замѣчанія и соображенія; но прочитавъ цѣлый отдѣлъ, съ удовольствіемъ

подчиняешься автору и представляешь каждый отдѣльный предметъ очерченнымъ во всѣхъ деталяхъ абъ ого.

„Что касается аргументаціи и построеній автора со стороны логической ихъ силы, то хотя въ раскрытіи нѣкоторыхъ частности и можно съ нимъ спорить, но въ общемъ рѣшеніе вопроса, имъ данное, на столько основательно и убѣдительно, что повидимому обязываетъ къ согласію съ нимъ.

„Принимая во вниманіе, что предметъ такъ полно и основательно изслѣдованный свидѣтельствуетъ не только о талантѣ, но и объ отмѣнномъ усердіи автора, признаю сочиненіе его вполне заслуживающимъ кандидатской степени“.

Ректора Академіи Архимандрита Антонія о сочиненіи студента *Константина Демидова* на тему: „Личность пророка Іереміи, какъ пастыря“.

„Сочиненіе состоитъ изъ трехъ частей и введенія, въ которомъ авторъ старается оправдать свою тему указаніемъ тѣснаго сродства между пророческимъ служеніемъ и служеніемъ пастырскимъ, сродства, переходящаго въ полное торжество въ личности пророка Іереміи—учителя и пастыря по преимуществу. Затѣмъ въ первой части авторъ подробно характеризуетъ Іеремію, какъ нравственную личность, во второй раскрываетъ конечную цѣль его увѣщаній къ народу или—что тоже—главный предметъ его проповѣди; въ третьей части авторъ указываетъ тѣ свойства пророческой проповѣди Іереміи, чрезъ которыя она пріобрѣтала особенную дѣйственность на волю народа; иначе говоря, здѣсь идетъ рѣчь о средствахъ нравственнаго вліянія пророка на жестоковѣрный Израиль.—У автора есть немало прекрасныхъ страницъ съ удачнымъ подборомъ и толкованіемъ различныхъ изреченій и отрывковъ разбираемой пророческой книги, но общій способъ его изложенія неудачный: читатель находитъ здѣсь не столько описаніе исторической личности съ слѣдующими затѣмъ выводами о свойствахъ ея характера и дѣятельности, сколько общія и довольно неясно-изложенныя разсужденія о правильныхъ и неправильныхъ отношеніяхъ проповѣдника къ своему жизненному назначенію съ дедуктивнымъ затѣмъ приложеніемъ ихъ къ пророку Іереміи, приложеніемъ иногда просто подводящимъ послѣдняго подъ извѣстную, установленную авторомъ общую категорію, куда нерѣдко съ полнымъ удобствомъ можно было бы отнести и всѣхъ прочихъ библейскихъ пророковъ, поэтому значительная часть сочиненія трактуетъ не столько объ Іереміи, сколько объ истинномъ пророкѣ